

ТЁМНАЯ
ЛОШАДКА

БЕДНЫЙ ПАВЕЛ - 3

ВЛАДИМИР
ГОЛУБЕВ

Владимир Голубев

Темная лошадка

«Автор»

2022

Голубев В. В.

Темная лошадка / В. В. Голубев — «Автор», 2022

Европейские государства сошлись в смертельной схватке. Весь мир сотрясается от пушечных залпов армий и флотов великих держав. Россия же остаётся в стороне – после страшных войн, мятежей и заговоров государство нуждается в покое. Во главе страны стоит наш современник, волею провидения оказавшийся в теле Павла I. Заговор среди близких людей и смерть жены причинила ему боль, но только твёрдая рука кормчего может провести корабль империи через рифы интересного, но очень опасного XVII века. Сможет ли молодой русский царь, тёмная лошадка мировой политики, справиться с ответственностью? На этот вопрос отвечает новый роман Владимира Голубева из цикла о Бедном Павле.

© Голубев В. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владимир Голубев

Темная лошадка

Глава 1

Я был спокоен. Действительно, спокоен. Да, смерть Прасковьи причинила мне душевные страдания! Но всё-таки мне удалось удержаться будто бы за стеклом, которое не пропускало боль внутрь, а удерживало её чуть в стороне. Такое чувство уже я испытывал в прошлой жизни. После смерти родителей все мои волнения никак не влияли на мою разумность. Пусть мне было больно, но не настолько, чтобы затуманить мысли.

Потом, уже в этой жизни, чувства вернулись, но теперь, я снова как бы отделился от проблем на личном фронте – слишком много дел и ответственности легло на меня. Мама, как мне казалось, смотрела на меня с гордостью, как же её сын и наследник принимал всё с достоинством и спокойствием, ни на минуту не упуская из рук бразды правления государством.

Я попросил императрицу не прилагать усилия по организации моей следующей женитьбы, ибо сейчас я не готов к новому браку, мне надо заботиться о благе государства. Мама всё поняла правильно. Причём она не прекратила готовиться к отречению, даже наоборот, всё больше и больше людей посвящалось в эти намерения.

Эйлер в августе закончил основные опыты на Олонце. Результаты были отличные, выход и качество железа были превосходны – никогда у нас подобного не достигалось. Использование паровиков показало себя с наилучшей стороны, а уж применение принудительного наддува, тем более горячим воздухом, в домнах превзошло все ожидания. Сестрорецкие заводы приняли первые партии олонецкого железа и начали увеличивать масштабы выпуска. Уже скоро я надеялся получить постоянные поставки русского оружия.

Пользуясь своим очевидным успехом, Иван Эйлер подал мне прошение об открытии в России университета. Дескать, уже сил нет без развития образования! И привлечение новых специалистов из-за границы затрудняется, ибо в России отсутствует высшее учебное заведение, где они бы могли преподавать новым поколениям деятелей науки и ковать себе славу создателей академических школ!

Прошение подписали его собственный отец – знаменитый Леонард Эйлер¹, почти все мои учёные, да ещё и главы всех корпусов. Пришлось всё-таки согласиться, хоть и не хотелось мне тратиться ещё на одно учебное заведение. Количество преподавателей в корпусах уже было значительным, да и их общее желание растить ещё и научных работников тоже заставляло серьёзно рассмотреть подобную возможность.

***

– Господа, мы решили удовлетворить ваше прошение и учредить в России университет!

Слова мои вызвали очевидную радость у приглашённых учёных и администраторов. Особенно возбудился старый слепой Леонард Эйлер, который даже подпрыгивал на своём кресле. Его сын Иван с моего разрешения поднялся и начал ответную речь:

– Ваше Императорское Высочество! Вы открываете новое сердце, которое будет отныне биться в теле науки русской и оживит кровь её! – как его понесло, Господи! Накипело у него, чувствуется, хорошо скрывал! Я Ивана даже уважать стал больше, выходит, он ждал-копил, пока момент удачный не появится. Эйлер-младший минут двадцать вещал в столь выпрессанном стиле, что я даже подумал, а не поэт ли он.

---

¹ Леонард Эйлер (1707–1783) – знаменитый швейцарский и русский математик, механик, физик и астроном.

Оказалось, что это не он поэт. После своей речи Иван начал читать оду «На учреждение университета» Гавриила Державина², который, оказывается, уже несколько лет служил в канцелярии Академии наук. Ода была отличная! Вот не хуже Ломоносовских вышла! Я даже растрогался.

Пришлось объявить своё высочайшее благоволение к сему пииту³ и распорядиться напечатать оду для всеобщего внимания. Державин... М-да, слышал, но даже не вспоминал раньше. Поэты они как бы были сами по себе. Ломоносов заложил могучее основание как национальной поэзии, так и литературы вообще – одни правила русского языка чего стоили... Но до стихов мне дела не было, а здесь такая поэма.

Но на этом закончить аудиенцию было бы неправильно.

– Определяем, что университет будет именоваться Императорским, а местом размещения назначаем ему Стрельну, в котором дарим для его устройства свой дворец. Ректором Императорского университета назначается Леонтий Павлович Эйлер.

Возникла немая сцена. Старый учёный замер с открытым ртом. Посидел так с минуту, потом вскочил и горячо заговорил:

– Ваше Высочество! Я старый слепой человек! Как же я могу руководить университетом? – последнее слово он произнёс почти по буквам, причём заглавным.

Вот же старый интриган! Будто я не знаю, что это именно он всё затеял, самолично ездил по всей округе – агитировал! А реализовывать его идеи, значит, пусть Его Величество будет, как-нибудь сам всё разрешит! В общем, я не выдержал и захохотал:

– Кого же Вы мне, Леонтий Павлович, можете ещё порекомендовать поставить во главе сего сложного учреждения? Именно Вы у нас в империи высочайший академический авторитет. Никто, кроме Вас, не имеет влияния в мировом научном сообществе достаточного, чтобы привлечь европейских авторитетов в различных науках. Ведь именно это Вы написали в своём прошении! – скрытая издёвка была очевидна, старик даже попытался обидеться на меня.

– Что Вы, Леонтий Павлович? Подумайте, разве я неправ? У Вас есть дети, которые могут помочь Вам в организации, есть Карпов, который Вас никогда не оставит. А члены семейства Бернулли⁴, которых Вы уговаривали столько лет? Именно их имена, как пример великих учёных, переезду которых мешает лишь отсутствие университета, стоят в Вашем прошении! – опять не смог удержаться от тычка в бок этому проныре!

Смирило старика с его новой миссией только обещание финансирования проекта из моих личных средств. Понятно было, что такое обязательство было со стороны верховной власти проявлением высшего доверия именно к нему.

Стрельна мне показалась идеальным местом для размещения Университета. Ведь пока отдельных преподавателей научных дисциплин для определённых учебных заведений у меня не было – они перемещались между корпусами по мере необходимости. Все корпуса находились вокруг Петербурга, дороги здесь были отличными – именно на них отрабатывались новые технологии строительства, лаборатории после взрыва пришлось срочно переносить в этот контур. Университет тоже пусть будет рядом. Преподавателям будет проще перемещаться между объектами приложения сил.

***

Активно я занимался и другими вопросами. В частности, перед моей дипломатией стояли крайне сложные задачи. Нашей империи нужен был мир на границах для внутреннего

---

² Державин Гавриил Романович (1743–1816) – русский поэт и государственный деятель.

³ Поэт (уст.)

⁴ Потомки Базельского аптекаря Николая-старшего Бернулли. Среди них было девять крупнейших физиков и математиков XVIII в.

устроения, причём мир желательно без территориальных уступок, и открытые внешние рынки для торговли.

Ситуация в Европе явно скатывалась к большой войне, любимец и глава дипломатии Людовика XVI граф де Верженн⁵ испытывал просто нечеловеческую ненависть к Англии, мечта о реванше за поражение в Семилетней войне и потере Канады и Индийских владений. В этом его поддерживало большинство аристократов государства, да и сам король.

В ненависти к британцам сторонниками французов были крупнейшие страны континента: Испания, которую англичане теснили в американских колониях, ещё и Гибралтар⁶ занозой сидел в сердце местных Бурбонов, и Голландия, выдавливаемая из колоний в Азии и теряющая доходы от международной торговли. При этом половина Германии откровенно облизывалась на Ганновер⁷, который оставался на континенте без явной защиты – в Европе Англия не имела крепких союзников, испортив отношения с Россией и Пруссией, да и в той же Индии французы сбивали антианглийскую коалицию из местных государств.

В таких условиях непрекращающийся конфликт британской короны с североамериканскими колонистами давал прекрасную возможность всем интересантам удовлетворить свои инстинкты открытой схватки с англичанами.

В общем, война назревала, и все крупные игроки были заняты подготовкой к ней, и мы могли пока на них не оглядываться. Однако в этот процесс практически совсем не были вовлечены наши соседи – Австрия и Пруссия. Мои дипломаты просто запихивали Габсбургов в общую упряжку с французами, а обе стороны сопротивлялись.

Маврокордат активно работал на втягивание Священной Римской империи в процесс подготовки войны с Англией, однако его союзником пока выступала только Мария-Терезия, которая уже не играла главной роли в имперской политике. А вот её сынок, Иосиф II, напротив, не горел такими идеями, больше нацеливаясь на непосредственных соседей.

В этом его поддерживал канцлер Кауниц, а косвенно укреплял в этом мнении тот же де Верженн, который с презрением относился к союзнику в Европе, не могущему решить ни один вопрос самостоятельно. В общем, пока Иосиф плотоядно поглядывал на Польшу и только на неё. Маврокордату всё ещё не удавалось отвратить его от этой цели, но и союза Австрии с Пруссией не образовывалось. Иосиф пытался решить польский вопрос в одиночку, не желая усиливать своего соперника в Германии.

Орлов, ставший одним из ближайших друзей короля Людовика, пытался убедить французов в необходимости привлечь союзника к войне хотя бы против Ганновера, но и это пока не получалось.

Пусть у меня были достаточно большие возможности по влиянию на политику и Франции и Австрии, но гарантии нужного развития событий у нас не было.

***

– Значит, Павел Петрович, Иосиф затевает очередную смуту в Польше? – Вейсман смотрел на меня весьма кисло.

– Именно так, Отто. Именно так... – я подошёл к окну и с шумом втянул в себя чуть сыроватый тёплый летний воздух. Погода была пасмурная, но для Петербурга вполне сносная. Хорошо, что август выдался не жарким, – Маврокордат пишет, что мой венценосный братец горячо мечтает о расширении границ своего государства, и строит планы... Точнее сказать, он их строит, а вот основания для их реализации подготавливает наш старый приятель Кауниц.

---

⁵ Шарль Гравье, граф де Верженн (1719–1787) – французский дипломат и государственный деятель. Министр иностранных дел и первый министр Людовика XVI.

⁶ Гибралтар – стратегическая крепость, расположенная на юге Пиренейского полуострова, контролирует Гибралтарский пролив, соединяющий Средиземное море и Атлантический океан.

⁷ Ганновер – княжество в Германии, правитель Георг Людвиг которого в 1714 стал королём Великобритании Георгом I. Континентальное впадение английской короны.

– И что Кауниц серьёзное дело затевает?
– Пока не очень, Отто... Так, покупает шляхту. Денег на такое дают не шибко много, но внимание самого Кауница дорого стоит.

– И что он от них хочет? Понятно уже?

– Малопольшу⁸, Галицию, Волынь да Подолию вроде бы.

Вейсман даже подавился воздухом:

– Господи! Вот же, совсем не стесняются!

– А что им стесняться? У шляхты такое понимание уже есть. Они готовы заплатить за помощь в освобождении. – усмехнулся я, по-прежнему стоя у окна. Воздух за стеклом манил меня своей относительной прохладой. Голова болела от мыслей, и я пытался надыхаться, стремясь освежить мозг.

– А что им не так-то? Денег-то теперь у них больше? – удивился Вейсман.

– Ну, воли-то меньше. В сейме православные и протестанты свой голос получили и католиков давят. Крестьяне побежали к нам. Армию нашу содержать надо. Деньги от торговли уходят магнатам. Простая шляхта от всего этого теряет. Сам магнаты тоже далеко не всем довольны, мечтают все денежки под себя подобрать. Да и сам король пытается освободиться от нашей опеки.

– Вот неблагодарный!

– Что ты, Отто! Он просто идеалист и идиот одновременно! – засмеялся я и, наконец, повернулся к своему другу и соратнику, – Станислав искренне верит, что он может повести Польшу к великому будущему! А для этого всего-навсего надо избавиться от русского влияния. А потом, он сразу станет не менее великим, чем какой-нибудь Карл Великий, или на крайний случай Генрих IV Французский!

Мы с Отто захохотали.

– И это всё? Только мечты? – отсмеявшись, спросил меня Вейсман.

– Не совсем! Ещё Австрия увеличивает армию. Иосиф хочет воинской славы.

– Сильно увеличивает? – Вейсман сразу насторожился.

– Уже тысяч сто восемьдесят набрал и не останавливается.

– Даже двести тысяч на всю Австрию нам не страшны! Им ещё границы держать надобно. – выдохнул Вейсман.

– А, ежели с поляками купно?

– Всё одно не одолеют! А что, Павел Петрович, коронная армия, присоединиться к мятежу?

– Нет, Браницкий с нами будет. Он и денег от нас имеет знатно, да и поместья на новых землях за помощь ему обещаны.

– А что Пруссия?

– Фридрих не в курсе планов Иосифа. Австрийцу с пруссаками делиться не хочется. Для него германские земли не менее, а то и более важны, чем польские, и усиливать своего главного соперника в этом деле он не будет.

– И что, будут просто сидеть?

– Нет, Отто, не станет Фридрих просто сидеть. Он точно ударит. Вопрос по кому?

– А что турки и шведы? Не полезут на нас вместе с австрийцами?

– Турки никак не смогут, у них дела совсем плохи, до сих пор страну собирают. Деньги от нашей торговли для них как воздуха глоток! Французы про них забыли совсем, а англичанам пока не до них – с колониями бы разобраться. А у австрийцев золота мало, только вот польскую шляхту подкормить. Шведы тоже пока очень далеки от возможностей воевать с нами. Нет. Здесь только австрийцы и, может, пруссаки. Фридриху в голову не залезешь.

---

⁸ Малопольша – историческая территория на юге Польши с городами Краков, Сандомир и Люблин.

Вейсман сильно помрачнел:

– Сложно нам будет, коли на нас и австрийцы и пруссаки полезут. А ежели и часть поляков против нас станет, тут...

– Вот и давай подумаем, как нам такую проблему решить, дорогóй мой Антон Иванович!

И вот, пока начальник русского Генерального штаба генерал Баур был в отъезде, инспектируя строительство крепостей на границах империи нашей, мы вдвоём с Вейсманом определили вчерне схему обороны от возможного нападения западных соседей.

Мы решили начать усиление войск Румянцева, которому предстояло стать противником австрийской армии и контролировать Южную Польшу, а противостоять пруссакам и наводить порядок в Северной и Центральной Польше и Литве следовало группе Олица. Однако сам старый генерал уже некоторое время просил об отставке, ссылаясь на нездоровье и желание заниматься административными делами, в которых он действительно был великолепен.

Так что, Олицу предстояло покинуть насиженное место и направиться к Дунаю, где Суворов демонстрировал явную усталость от забот об устройении вверенного ему в управление края и особенно от рутины строительства крепостей на границе. Характер Александра Васильевича требовал от него действий, да и Вейсман уверенно заявил, что только Суворов сможет осуществить требуемые нашим планом военных действий стремительные движения по территории Речи Посполитой. В общем, мы решили провести рокировку, поменяв его местами с Олицем.

Я взял на себя объяснения с немолодым уже Петром Ивановичем, а Вейсман должен был проинформировать о нашем решении своего приятеля Суворова. Баур скоро вернётся и разработает точные планы усиления.

***

– Лондон, проклятый город! Антихрист захватил его! Сотни лет как он правит нами и желает через нас поработить мир! – такие речи было бы нормально услышать от какого-то безумного экзальтированного проповедника, но здесь их произносил высокий изысканный джентльмен с тонким длинным лицом в безупречном редингот⁹ и кружевной рубашке.

Его собеседник, довольно толстый человек с красным носом и глазами навывкате, но одетый не менее дорого и стильно, шёл рядом с ним согласно кивал в такт его словам:

– Вы, как всегда, правы, сэръ Чарльз! Поражаюсь Вашему уму и образованности! Как такой бриллиант мог появиться в этой клоаке разврата?! – в его произношении совершенно очевидно присутствовал некий изъясн, наводящий на мысли о голландском происхождении говорящего.

– Мой драгоценный отец, дорогóй Питер, был родом из Линкольншира, где постигал глубины юридической учёности так успешно, что его заманили в этот проклятый город! Но наша семья всегда была среди «неприсоединившихся¹⁰», и мой отец изучал не только человеческие законы, но и законы Божии! Именно он понял всю греховность отхода от заповедей, который Бог дал Адаму!

– О, Ваш батюшка был истинным святым! Светочем, который развеял тьму скверны!

– Вы, дорогóй мой Питер, стали одним из первых, кто увидел истину! Кто присоединился ко мне в великом деле освобождения Англии от богопротивных механизмов!

– Сэръ Чарльз! Прошу Вас, не сто́ит говорить такие слова, когда мы с Вами прогуливаемся в Вестминстерском аббатстве! Кто-то может услышать Ваши речи и узнать, что один из ведущих адвокатов Лондона и есть тот таинственный Нэд Лудд¹¹, именем которого сжигаются заводы по всей стране! – тон Питера стал подобострастным настолько, что, казалось, язык голландца источал чистые масло и мёд.

---

⁹ Редингот – мужская английская верхняя одежда, нечто среднее между пальто и длинным сюртуком.

¹⁰ Неприсоединившиеся – пуританские секты, отказавшиеся присоединяться к англиканской церкви.

¹¹ Нэд Лудд – мифический предводитель луддитов.

– Да, Питер, сейчас действительно не время всем узнать правду! Только тогда, когда падёт царство Сатаны, только тогда я смогу открыться всем! А пока моё имя может быть известно лишь трём избранным! Но здесь нас охраняют наши братья!

– Воистину Воля Божия ведёт нас!

– Питер, давайте перейдём к более приземлённым вещам. – Чарльз сотворил такую брезгливую мину, что была понятна вся его неприязнь к столь низменному предмету.

– Конечно, сэр Чарльз! Деньги я привёз! Всё, как Вы и просили в гинейх¹²! – Питер согнулся в поклоне.

– Вас нигде не могли приметить с обменом ваших гульденов?

– Что Вы, сэр Чарльз! Вы меня научили, как скрывать такие вещи! – Питер снова низко поклонился, – Двадцать тысяч гиней ждут вас в Вашем экипаже, Светоч!

– Вы знаете, Питер, что называть меня Светочем, Вы можете только в Храме правды! – сэр Чарльз почти перешёл на крик. Толстяк упал ниц и обнял его ноги, – Хорошо, Питер! Вы верный последователь истины! Я прощаю Вас! Когда Вы привезёте новые пожертвования?

– Через два месяца, сэр Чарльз. – голландец встал и смущённо поглядывал на своего духовного предводителя, – Мне надо будет их найти...

– Вы плохо помогаете делу Божию! Требуется больше золота! Питер, вы хотите попасть в ад?

– О...

– Бог ждёт от Вас большего, Питер! – сэр Чарльз с презрительной гримасой без поклона повернулся и зашагал к выходу.

Голландец долго смотрел ему вслед, потом покачал головой и на чистом русском языке с презрением пробормотал себе под нос:

– Вот тупой кликуша¹³! Без наших денег ты бы и адвокатом уже не был! Ничтожество! Светоч...

***

Алексей Лобов ласково поглаживал обложки книг, которые ему передал русский посланник в Лондоне Николай Трубецкой. Как же, первые номерные экземпляры планов по развитию французской и русской артиллерии, которые появились в том числе благодаря его работе. Сам Наследник прислал ему для ознакомления свои личные книги.

По соображениям секретности, Алексей мог изучать труды Грибовалая и Мелиссино только в русской миссии, так что четыре дня он не выходил на улицу. Конспектировал, изучал, рисовал. От книг его отрывал только слуга посланника со звучным именем Иоасаф, которые три раза в день настаивал на том, чтобы молодой человек поел.

И вот, наконец, он закончил. Оторвался от стола, протёр воспалённые глаза и с удивлением понял, что всё это время он не спал. Иоасаф молча менял ему сгоравшие свечи, приносил новые бумагу и чернила, не препятствуя его бдению. Спина Лобова безбожно затекла, он с хрустом потянулся и встал. В дверях тут же появился слуга, ласково улыбаясь.

– Закончили, Алексей Артемьевич?

– Да, закончил! Посланник дома?

– В отъезде! Не помните, как он с Вами прощался?

– Совсем не помню! – виновато улыбнулся Алексей, – Я сильно Вас напряг, друг мой?

– Что Вы, Алексей Артемьевич! Барин также часто работает по ночам!

– Спасибо Вам, Иоасаф! – Лобов пожал руку старому слуге, что тот воспринял с большим достоинством. Алексей очень устал и совершенно не заметил, что, когда он выходил из дверей миссии, Иоасаф украдкой перекрестил его спину.

---

¹² Гинейя – английская золотая монета.

¹³ Человек подверженный истерическим припадкам.

Чтобы не заснуть по дороге, молодой человек решил не брать экипаж, а пройти пешком несколько кварталов. Он шёл по Бонд-стрит¹⁴, спать хотелось немилосердно. В голове бродили случайные мысли. Алексей вспомнил Сидорова. Это же наверняка благодаря ему, он смог прочитать проект Грибовалая. Отличный парень, как он, интересно?

Лобов шёл, бесцельно поглядывая по сторонам, хорошо одетые люди прогуливались по улице, заходили в магазины и салоны. Вот Сидоров стоит около антикварной лавки Оуклза и рассматривает старинную гравюру, которую он, по-видимому, только что приобрёл там...

– Сидоров? Здесь? Я, наверное, заснул и не заметил этого! – подумал Алексей.

Старый его знакомец, который, вероятно, сейчас снится отставному офицеру, поднял глаза от диковинки, увидел Лобова и подмигнул ему, почесал нос, потом снова подмигнул, весело улыбнувшись, и как-то резко слился с праздношатающимися.

– Точно, привиделось! – сказал себе Алексей и быстро направился в гостиницу, где снимал комнату для джентльменов и в которой не был уже четыре дня – спать.

Разбудило его настойчивое покашливание. Он открыл заспанные глаза, была ночь, темноту которой разбивал свет свечи, что стояла на столике в комнате. Около кровати в кресле сидел человек, чей кашель и послужил препятствием для его дальнейшего сна. Свет падал на его лицо, пусть и не придя в себя до конца, Алексей узнал Сидорова.

– Проснулся, спящий богатырь Святогор¹⁵! – с широкой улыбкой произнёс незванный гость.

– Сидоров? Я сплю! Точно сплю!

– Приношу свои глубочайшие извинения за столь бесцеремонный визит, Алексей Артемьевич! – поднявшись из кресла, торжественно сказал посетитель.

– Господи! Что... Чем обязан? И я, к сожалению своему, не помню Вашего имени-отчества... – Лобов быстро приходил в себя.

– Еремей Иванович я! – ночной гость широко и слегка виновато улыбался, – Ещё раз прошу меня простить, однако в Лондоне именно Вы мой единственный хороший знакомец, боевой товарищ, да и учились вместе... К тому, наша вчерашняя случайная встреча на Бонд-стрит показалась мне истинным знаком Божиим! Тут такое дело, у меня сегодня День ангела, а отметить мне его с соотечественниками уже много лет не доводилось...

– Так, первым делом предлагаю перейти на ты, как в корпусе было. – возражений у Лобова не было, Сидоров был ему приятен, а их встреча действительно была чудом.

– Нисколько не возражаю! Алексей, ты в Лондоне давно?

– Вот уже четвёртый месяц сижу! Ничего толком не выходит! Русским король не доверяет. Все прошения о допуске на заводы отвергает. Давно бы уехал, но и в Лондоне есть с кем поговорить, что посмотреть. Но, коли ещё пару месяцев так посижу – домой поеду. Что я задаром хлеб ем?

– Да, тебя уже можно местным жителем считать. Ты не пугайся – это свой!

В дверь бесшумно, словно тень, просочился человек в чёрном плаще с капюшоном, закрывающем лицо. В руках он держал немалых размеров свёрток. Также бесшумно тюк был водружён на стол, после чего вошедший снял плащ и оказался довольно упитанным красавчиком-блондином.

– Познакомься, Алексей. Это мой помощник – Йозеф из Черниц, что в Богемии¹⁶. Золотой человек, если что достать надо. Поверишь, это вот всё он нашёл по дороге к тебе. Ночь на дворе, лавки закрыты, а он вот – разжился! – краснеющий от похвалы, как девица, Йозеф

---

¹⁴ Бонд-стрит – улица элитных магазинов в Лондоне.

¹⁵ Святогор – великан-богатырь (сказ.)

¹⁶ Богемия – Чехия (уст.)

выкладывал на стол бутылки вина, копчёный свиной окорок, разнокалиберные колбасы, сыры, хлеб.

Спустя некоторое количество выпитого и съеденного, после первой партии воспоминаний об учёбе в корпусе и турецкой войне выяснилось, что Йозеф предпочитает, чтобы среди друзей его называли Ружичкой¹⁷ – краснеет он с детства легко и ярко. Болтун этот богемец был первостатейный – говорил много, интересно, и даже его своеобразный акцент, что прорезался и в его родном немецком и русском, который Йозеф старательно учил, не портил общее впечатление. Такие он истории рассказывал о жизни в Империи, об имперской армии, о городах Нидерландов.

Когда Ружичка прерывался на употребление вина и еды, причём охоч он до чревоугодия был невероятно, почти половину всего, что было на столе, съел и выпил именно он, могли говорить и Алексей с Еремеем. Сидоров рассказал про то, как ему удалось достать французский план развития артиллерии:

– Да я присмотрелся к твоему Грибовалю, всё, как ты и говорил – охрана у него в доме, не дай бог! Только штурмом и брать! Пришлось отправиться к начальнику артиллерии, а его канцелярию сторожили уже слабее.

Пару дней мы с Ружичкой присматривались к охране, а потом ночью и нагрянули. В первый раз всё шло, как рассчитали: сторожей обошли, в архив залезли, но потом оказалось, что порядка там мало – в первый раз этот план не нашли. Пришлось на следующую ночь опять лезть, здесь уже всё обнаружили. Однако же, кроме документов, ещё нашёлся старый канцелярист, который мучился бессонницей и прибрёл, на своё и наше несчастье, в этакую рань на работу.

Заметил беспорядок, давай орать, будто ему чего дверью прищемили. Стража набежала и городская тоже, солдаты подтянулись, попали бы как кур в ошип, да Ружичка сообразил – лампу в документы швырнул. Пожар начался – бумаги там было до потолка, как запылало... Выскочили мы удачно, а вот канцелярия сгорела. Пришлось из Франции галопом удирать. Хорошо, что искали баварского отставного офицера на службе австрийского посла со слугой, а мы уже изображали двух англичан.

Знал бы ты, Алёша, как тяжело было влезть в доверие этому де Мерси-Аржанто¹⁸, что от цесарского престола при дворе французском посланником был. Мне повезло, что его интрижка с этой певичкой Левассёр¹⁹ позволила изображать несколько дней доверенного гонца между влюблёнными... Ладно, в общем, вырвались.

Через несколько часов запасы вина начали подходить к концу, и Йозеф, который оказался редкостным рассказчиком и настоящей душой компании, отправился за новой партией, Алексей, наконец, смог задать вопрос, что мучил его почти с самого начала вечера:

– Ты настолько доверяешь этому своему Ружичке? Он знает твоё имя, знает, что ты русский, теперь знает меня. Не выдаст?

– Йозеф-то? Нет, не выдаст. Он сперва друг, а потом уже слуга. Я его при таких смешных обстоятельствах встретил. Сидел я как-то в городской тюрьме Антверпена.

Молодой я был. Первое моё дело, и сорвалось, а чтобы меня не нашли, я решил в застенках отсидеться. Два месяца там прятался, а потом откупился, конечно. А Ружичка там же оказался. Он ведь до баб большой охотник и они его тоже очень ценят, так вот, застучал его глава местных булочников со своей женой.

---

¹⁷ Ружичка – Розочка (чеш.)

¹⁸ Флоримон де Мерси-Аржанто (1727–1794) – известный австрийский дипломат, посланник во Франции, доверенное лицо французской королевы Марии-Антуанетты.

¹⁹ Мари-Клод-Жозеф Левассёр (1749–1826) – французская оперная певица, многолетняя любовница де Мерси-Аржанто.

Тут же выяснилось, что Йозеф – дезертир из имперской армии. Этот балбес, оказывается, умудрился и там интрижку завести с женой полковника, и, кроме бегства, путей у него не было. И в Антверпене он скрывался от имперского суда. В общем, по навету этого рогоносца присудили нашего богемца повесить, а с палачом этот булочник договорился, что сначала Ружичке отрежут ещё парочку лишних деталей.

Такой шум был вокруг – полгорода просто припадочно хохотало! А этот ухарь сидел пока суд да дело рядом со мной. И вот мне он как-то по сердцу пришёлся. В общем, выкупил я его у палача, тот вместо Ружички какого-то бродягу прикончил, но в Антверпен ему больше дороги нет!

А добро Йозеф помнит. Его уже потом пытали! Мы в Саксонии одну придумку позаимствовали, так его схватили. Ребята там серьёзные были – в топку его было ногами совать, допытывались кто мы такие. Ничего он им не сказал, а здесь и я подоспел. Повезло, что с местными татями столкнулся – отбили мы его.

А он в ответ меня уже два раза выручал. ... Вот! Обещал я ему, что в России мы уж точно там не пропадём. У него мечта есть свой трактир открыть, пиво варить. В пиве он знатно разбирается!

– К-хе, я-то думал, что он знаток вина!

– В вине он тоже понимает, да вот только именно пиво – его истинная страсть! – здесь и сам герой рассказа явился с новым запасом бутылок и веселье продолжилось.

Сидели они до следующего утра. Уже уходя, Еремей спросил Лобова:

– Алёша, а ты к кому собирался-то ехать, с работами-то знакомиться?

– Сейчас вот к Абрахаму Дарби²⁰ хочу, в Колбрукдейл! Уже и Императрица депешу прислала королю Георгу! Коли и это не удастся, то уеду домой – хватит!

– Ха-ха! Ты уж извини, братец! Не получится тебе к Дерби! Сгорел его завод! С пару дней как сгорел. И сам Дерби пострадал.

– Ерёма! Ты?

– Нет-нет, Алёша! Я здесь точно ни при чём! Просто информация – мой хлеб. Ты что не слышал, здесь какие-то луддиты²¹ объявились? Уже не один завод сожгли.

– Слышал, конечно! В Лондоне об этом судачат, но они же в Ноттингеме буйствуют!

– Что ты, братец, эти ребята уже по всей Британии скачут! Так что скорее меняй своё назначение. А то опять в Лондоне застрянешь!

Они обнялись, Сидоров подмигнул приятелю и скрылся за дверью.

***

– Богдан, друг мой, забери моего брата из Трапезунда²²! Он отсыплет тебе столько кисетов акче²³, сколько захочешь! И я буду благодарен! – толстый седобородый турок заискивающе заглянул в глаза судовладельцу и подлил ему в кубок дорогого русского цветного стекла запрещённого для мусульман вина.

– Мехмед, но в Трапезунде-то чума! – Гешов удивлённо поднял левую бровь.

– Халил умелый торговец тканями, и он там хорошо заработал!

– И торговец тканями хочет отсыпать мне серебра за вывоз его из города, поражённого чумой? – прищурившись, произнёс судовладелец.

– Он очень хочет жить!

– Вокруг сотни кораблей, Мехмед! Почему ты обращаешься с этим ко мне?

---

²⁰ Дарби – семья английских металлургов, изобретателей и популяризаторов использования каменноугольного кокса в производстве железа.

²¹ Английское тайное общество, пропагандирующее разрушение машин.

²² – Трапезунд (совр. Трабзон) – город в Турции, порт на Чёрном море.

²³ Мелкая турецкая серебряная монета.

– Ему надо в Польшу, в Могилёв²⁴, а ты лучше всех это сможешь организовать!
– Я? В Могилёв? А почему не на Луну? – с явной насмешкой изумился Богдан.
– Ему совсем не надо в Стамбул! Да и торчать три недели в карантине в твоём Чёрном Городе тоже не надо! Ему срочно надо в Могилёв! – толстяк подобострастно заглянул в глаза собеседнику.

– Зачем торговцу тканями так срочно в Польшу? Что там? – Богдан явно задумался.

– Там у него сделка! Хорошая сделка!

– Настолько хорошая, что он готов заплатить за провоз его мимо таможни и карантинных почти к Подолии? Это ему будет стоить очень недешево! – судовладелец жадно сузил глаза.

– Он найдёт для тебя куруши²⁵! Аллах свидетель! – уже сквозь зубы прошипел турок и воздел руки к небу.

– Хорошо, Мехмед! Если деньги для него не проблема, то я вывезу твоего брата! – и Богдан хлопнул рукой по столу.

***

Тёмной пасмурной ночью «Ефросинья» вошла в гавань Трапезунда, где в условленном месте на борт зашёл турок с тремя слугами и кучей тюков с тканями. Халил был совсем непохож на брата – высокий и сухощавый, с выдающимся носом. Он был разговорчив, даже болтлив, улыбчив и щедр. Торговец без раздумий отсыпал серебра Гешову за его услуги, добавив пятьдесят пиастров к запрашиваемой сумме.

Время, проведённое в поражённом чумой городе, не прошло даром для купца, он был грязен и распространял вокруг зловонные миазмы, а на его слугах вообще копошились вши. Однако тюки были в отличном состоянии, чувствовалось, что Халил настоящий торговец, который больше заботится о своём заработке, чем о своём внешнем виде.

Один из его слуг плохо переносил морскую качку и всю дорогу до Чёрного Города пролежал пластом в трюме. Сам же купец и его здоровые слуги развлекали команду историями, да так, что даже Богдан не смог отказать Халилу в возможности пожить несколько дней в его доме перед погрузкой на корабль другого судовладельца, который был готов тайно отвезти турка в столь желанный ему Могилёв.

Богдан догадывался, что торговлей тканями Халил прикрывает какие-то другие делишки, но в контрабанде он предпочитал меньше интересоваться проблемами своих партнёров, чем, кстати, существенно отличался от пропавшего побратима и шурина, который всегда стремился узнать всё и обо всём. На суше плохо себя почувствовал и второй слуга турка, но сам купец утверждал, что тот по глупости напился морской воды, и значения этому Богдан не придал.

Халил оказался весьма галантным мужчиной и щедро отблагодарил супругу судовладельца за ночлег, подарив Ефросинье целый сундучок замечательных восточных тканей и совершенно потрясающие серьги из чёрного янтаря. Такой подарок подтвердил догадки Гешова, теперь молодой судовладелец уже не сомневался, что турок занимается контрабандой драгоценностей.

Богдан не придал значения тому факту, что сначала один слуга турка, а потом и второй почувствовали себя нехорошо, и, спеша на корабль – его самого в Родосто²⁶ ждал ценный груз, не сообщил жене, откуда привёз гостей. Более того, судовладелец не стал дожидаться отъезда турка в порт и уехал, ничуть не сомневаясь, что его красавица-жена прекрасно справится с проводами гостя сама. Ефросинья действительно вполне спокойно отправила турка на ожидающее его судно и занялась примеркой чудесных серёг и очень эффектных шалей.

---

²⁴ Могилёв – город на Днестре, на территории нынешней Украины, тогда в Польше.

²⁵ Куруш, иначе пиастр – крупная турецкая серебряная монета.

²⁶ Родосто – город в Турции на берегу Мраморного моря.

– Хозяйка! – в дверь заглянул старый грек, бывший доверенным слугой в доме.
– Да, Янис. Что ты хотел? – хозяйка со вздохом отвлеклась от примерки.
– Там слуга этого турка, больной, что с ним не поехал...
– Он не взял с собой своего слугу? – искренне удивилась супруга Богдана.
– Да этот парень совсем разболелся, и турок его оставил – не брать же такого на корабль.
– За него мы не отвечаем! Турок сам его оставил! Выгони его, пусть в каком-нибудь постоялом дворе выздоравливает. – равнодушно проговорила Ефросинья и было собралась вернуться к примерке обновок.

– Но, хозяйка, он грек! Наш православный!

– Так что же, мне всем православным грекам лечение и проживание оплачивать? – тон потомственной негоциантки был крайне строгим, и старый Янис не посмел ничего ей возразить – в этот же день больного отнесли в дешёвый трактир на окраине города.

Так в Россию снова пришла чума.

***

К концу этого тёплого дня Ираида Гагарина решила отправиться к речке, постирать бельё. Надо же, конец сентября, а так тепло! Супруг её, вместе с соседом, местным старостой Никифором Перваковым, этим утром уехал в Борисову Горку на торг. Очень уж хотелось им расторговаться да прикупить железного инструмента да упряжи, да гостинцев жёнкам! Вернуться они планировали только дней через пять.

Ираида вышла к реке, наклонилась над водой и вдруг с удивлением увидела, что около берега плавают небольшой тючок. Подоткнув юбку, она стремительно влетела в воду и вытащила его на берег. Молодая гречанка очень заинтересовалась таинственным свёртком и напрочь забыла все предупреждения властей об опасности бездумно подбирать чужие вещи.

Тюк был хорошо упакован в промасленную кожу, и Ираида дрожащими руками пыталась его разворошить. Наконец ей удалось добраться до содержимого. Внутри лежали просто потрясающие платки, платья, ткани. Такой красоты она раньше не видела! Как замороженная, она вытаскивала вещицы из свёртка, смотрела на них, складывала рядом и вынимала новые.

Так она сидела, перебирала вещи, прижимая их к себе, глядя тончайшую ткань, и не могла остановиться. Потом вскочила, суматошно собрала все драгоценные обновки и, прижав их к груди, бросилась домой. Почти добежав до дверей, резко повернулась на месте и кинулась в другую сторону к соседке, тоже гречанке – Агафье.

Влетев к ней в дом, она с глупой улыбкой вывалила всё перед ней на пол. Всю ночь подружки примеряли и перебирали вещи, забыв о необходимости кормить детей и заниматься хозяйством, и лишь утром успокоились.

***

Пантелей возвращался домой с торга в приподнятом настроении. Никифор умел прекрасно торговаться, и они удачно продали картофель и тыквы, которые привезли в Борисову Горку и закупили железного инструмента, тканей, сладостей.

– Хороший совет нам Иван Кондратьич дал, тыкву эту сажать, а Никифор? – весело крикнул Гагарин соседу, ехавшему сразу за ним.

– Да, Никитин – голова! – солидно пробасил тот в ответ.

– А вот ты сначала даже картошку на дух не переносил! Как он тогда тебе глаз-то подбил! – хохотал Пантелей.

– Было дело! – также весело отвечал ему сосед, – Всё же по справедливости! Без его науки я бы, как у нас на Псковщине принято было, только бы одну рожь и сеял! А так он мне в глаз засветил, так я сразу всё осознал! И теперь вот и картофель, и тыкву продаю! А на следующий год я и турецкое пшено посею!

– Ха-ха! А давай, соседка, косушку монастырского хлебного вина́ изопьём?

– Ох, Пантюха, ещё никто не говорил, что Никифор Перваков от хмельна вина отказывался, ежели особенно в меру!

Прятели остановились и выпили, закусывая вяленой рыбой и хлебом, который они купили в Борисовой Горке. Хлебное вино, что изготавливалось в Борисоглебском Заднепровском монастыре, было превосходным, монахи делали его преотлично. Выпили соседи его под разговор быстро, Пантелей с удивлением уставился на пустую бутылку, переглянулся с Перваковым и достал ещё одну.

Хорошо, что дом был уже совсем рядом. Пусть они и не перепились вусмерть, но Никифор всё-таки нечаянно одел себе на голову ведёрко с дёгтем, так что начал выглядеть как подлинная нечистая сила. Пантелей смеялся так, как никогда до этого...

Подъехав к своим воротам, он громко закричал, вызывая жену и старшего сына:

– Ираида! Петька! Выходите встречать! Где вы там? Ушли, что ли, куда? – сам открыл створки, распряг лошадь, поставил её в стойло, и, не разбирая подарки с телеги, вошёл в дом.

Поднялся в горницу²⁷ и удивился – было темно, окна были наглухо занавешены, странно пахло. Пантелей споткнулся в темноте о какой-то кувшин, валявшийся на полу, и громко выругался. В ответ из угла послышался стон. Гагарин, поражённый до глубины души, бросился к окну, которое можно было разглядеть по свету, пробивавшемуся через занавесь, сорвал тряпки и замер от увиденного.

Ираида лежала на скамейке, просто корчилась от падающего на лицо света и громко стонала. В углу свернулся двухлетний Петька, не подающий признаков жизни. Младшую дочь – Анну, не было слышно, но в тот момент Пантелей не обратил на это внимания. Он бросился к жене. Уже протянув к ней руки, Гагарин увидел огромный бубон²⁸ под мышкой супруги.

Мужчина остановился настолько резко, что сел на пол, и сидел так несколько минут, с ужасом глядя на слабо хрипящую жену, пытавшуюся закрыть лицо от дневного света. Вывел его из ступора только внезапный крик дочери. Гагарин судорожно вскочил, бросился в угол комнаты, который был скрыт в темноте, схватил люльку с ревушим от голода ребёнком и выскочил из дома.

Он бросился к избе Первакова. Никифор с ещё запряжённой телегой стоял у колодца и вяло отмывал голову от дёгтя. Обезумевший крестьянин подбежал к нему, молча поставил рядом люльку и сел на землю.

– Ты чего, Пантюха, перепил, что ли? – хрипло спросил его сосед.

– Никифор! Никифор!

– Пантелей? – Перваков в армии не служил, но человеком был весьма умным и обстоятельным, и понял, что творится нечто очень плохое. Он начал стремительно приходить в себя и его вопрос уже больше походил на крик.

– Чума! Ираида, Петька...

– Ты что? – Никифор схватил приятеля за грудки и приподнял.

– Точно, Никифор! Сам видел! – задушено хрипел Гагарин.

– С пьяных глаз ты и не такое увидишь! – злобно прорычал староста, бросил полубесчувственного соседа на землю и кинулся в его дом. Через минуту с дикой руганью выскочил оттуда, подбежал к высокому столбу возле своих ворот, схватил из ящика, стоящего подле, чёрную тряпку и судорожно начал забираться наверх, используя набитые перекладыны. Закрепил флаг и едва смог слезть вниз. Его трясло просто неимоверно.

Но в этот момент Никифор вспомнил про свою семью, и с новым рёвом побежал к себе. Уже молча вышел через пару минут, добрёл до сидящего с перекошенным лицом на прежнем

---

²⁷ Горница – чистая комната в доме.

²⁸ Бубон – увеличенный воспалённый лимфатический узел.

месте Пантелея, также без единого слова вынул из своей телеги ещё одну бутылку и сунул её другу. Тот судорожно схватил посудину, сорвал сургуч и присосался.

– Нету моих дома! – наконец проговорил староста, – Видать, ушли куда. А вот теперь надо пройтись по деревне, посмотреть у кого что и как. Как-то не слышал я, чтобы чума в одном доме пряталась. И будем ждать ертаульных, Пантюха...

Гонец из Андреевки прискакал меньше, чем через час. Мальчишка подъехал к столбу и, не слезая, спросил у сидящего на земле старосты:

– Дядька Никифор, что, правда, чума?

– Она самая! Четыре дома, тринадцать человек точно!

– Ох, беда!

Уже к вечеру прибыли первые ертаульные. Покрытый потом и пылью прапорщик со страшным шрамом на лице, оставив трёх своих солдат устраивать лагерь и встречать остальных, подошёл к сидящим у столба местным. Устало полушёпотом ругаясь, переоделся в чёрную промасленную хламиду с капюшоном и только после этого обратился к Никифору:

– Ты старший здесь будешь?

– Я! Никифор Перваков, староста здешний.

– Прапорщик Чумного ертаула Луцилин! Веди, давай показывай, где и что. Ты же в армии не служил?

– Не! Из-под Пскова мы!

– Тьфу ты! А этот, оглашенный?

– Этот служил, да у него там вот семья помирает.

– Понятно, ладно. А это чьё дитя?

– Его дочка это – Анна. Мать у неё чумная.

– Так сколько ей?

– Уже год почти.

– Тьфу ты! Бабы-то у вас тут есть?

– Мои в поле, видно – должны к ночи вернуться, а прочим я велел из дома носа не казать.

– Молодец, всё правильно. Только вот, дитёнка-то покормить надо! Ох, дубины... Ладно, сейчас определим. Пошли давай!

***

Чума полыхнула на Днестре. Основной очаг был в Могилёве-Подольском, там не было большого гарнизона, и в условиях Речи Посполитой моровая язва начала быстро распространяться. Румянцеву пришлось перебрасывать войска для установления карантинных, но зараза успела перескочить в Венгрию. На нашей территории самая большая проблема была в бывшем Очакове. Чёрный Городок сильно разросся и был одним из самых крупных поселений на новых землях.

Значительный торговый и военный порт привлекал население, а вот порядка в городе не было. Когда чума пришла, в городе начались волнения, погромы, а закончилось всё пожарами. Военные моряки Черноморского флота, под командованием начальника эскадры адмирала Сенявина²⁹ очень жёстко взяли под контроль ситуацию в порту, но в самом городе положение изменилось только с прибытием генерал-аншефа Олица.

По его ходатайству полковник Беккер, бывший градоначальник Чёрного города, был арестован и предан суду за бездействие и сокрытие истинного положения. Очередной пример откровенной глупости: как полковник мог даже подумать о возможности утаить проблемы в городе, в котором проживало множество золотых поясов, да и Сенявину в голову не могло прийти не донести о полной катастрофе по соседству.

---

²⁹ Сенявин Алексей Наумович (1722–1797) – русский флотоводец, адмирал.

Также чума была зафиксирована в Сороках³⁰, но там находился батальон Чумного ертула, да и комендант города был не промах, так что её сразу локализовали, да ещё в нескольких деревнях на Днестре тоже были зафиксированы заражения. Очевидно было, что болезнь пришла по воде, началось строгое следствие. Все участники дознания понимали важность найти истинного виновника происшествия и причины проникновения болезни в Россию. Можно было ожидать скорого и точного результата.

---

³⁰ Сороки – город на Днестре, сейчас – в Молдавии.

Глава 2

– Дядька Иван! Дядька Иван! – мальчишка, сидевший на лошади без седла, кричал самозабвенно, словно тетерев на току³¹. И, как эта птица, совсем не замечал происходящего вокруг.

– Чего орёшь, Митька? – голос Никитина прервал крики наездника столь неожиданно, что тот на лошади не удержался и упал к ногам своего скакуна. Лошадка на столь впечатляющее падение отреагировала очень солидно, чуть отступив в сторону и ласково обфыркнув упавшего, – Ты чего, пострелёнок?

– Дядька Иван! – Митька непонимающе мотал головой, сидя на траве и никак не мог разглядеть мужчину.

– Так, Митька! Тут я! – Никитин поставил мальчишку на ноги и заглянул тому в глаза, – Ты, что это, расшибся?

– Дядька Иван! Чума в Пантелеевке!

– Что-о-о-о? – мужчина встряхнул Митьку ещё раз, аккуратно поставил его на землю и кинулся к жене, которая в окружении детей собирала картофельную ботву на поле.

– Тата!

– Что ты, Ваня?

– Татушка! Чума в Пантелеевке! Так, я Белоножку заберу, мне к отцу Лаврентию надо! Ты уж тогда на Сивом сама домой доберёшься?

– Конечно, милый! Ох, беда-беда! – темнокожая женщина прижала руки к лицу, – Может, нам самим бежать надо?

– Куда, Татушка? Здесь у нас и дом и хозяйство! Небось, нас Императрица и Наследник в беде не бросят! У нас в России-то порядок! Глядишь и не чума в Пантелеевке! Там же Пантюха Гагарин – дружок мой.

– А что там?

– Вот и узнаю заодно!

– Ох, беда-беда! – Татта стояла и смотрела, как её муж вскочил без седла на пасущуюся рядом лошадку и поскакал, поднимая пыль, в сторону их родной деревни, откуда дорога вела в село Андреевка.

Но в Никитинке его уже ждал сам отец Лаврентий. Получив страшную весть, он сразу отправился к своему другу и волостному старосте.

– Отец Лаврентий, что происходит-то?

– Да пока сам не знаю, Ваня! Чёрный флаг в Пантелеевке вывесили. Я сразу мальчонку туда послал. Он вернулся, говорит, чума точно – Никифор сказал. Тринадцать человек в четырёх избах... Ертаульным сообщил и тебе вот... Ертаульные-то небось уже там. Что делать-то, Вань?

– Отче! Я сам к тебе за советом ехать собрался!

– Я же в чуме не был, не знаю, что и делать!

– Что, отец Лаврентий, бежать куда подальше не надумал?

– Смеёшься, ирод!

– Смеюсь, отче, но как-то плохо... Поедем-ка, отче к ертаульным в Пантелеевку. Из первых рук оно сподручнее новости узнавать.

Они сели вдвоём в телегу к священнику и поехали в соседнюю деревню. Сначала ехали в подавленном молчании, а потом Никитин не выдержал:

– Отец Лаврентий, а что в мире-то твориться? Войны с туркой не ждут? А то я всё лето в поле...

---

³¹ Токование – брачное поведение, в процессе которого тетерев мало реагирует на внешние раздражители.

– Нет, Ваня, войны не ждут. Хотя вот рекрутские наборы в этом году снова объявили, может, к войне?

– Отче! – Никитин даже закашлялся, – Так в этом году и должны были возобновить!

– Ну, всё одно – подозрительно! Кабы войны не ждали, небось, ещё на год бы отменили! Такое же подспорье для людей!

– Ну, я, как отставной солдат, тебе скажу, отец Лаврентий, нельзя без служивого в государстве! Ежели войска мало будет, то тут и для супостата приманка и порядка нет!

Так за разговорами они доехали почти до Пантелеевки, где на пригорке их окликнул ертаульный:

– Стой! Кто такие? Карантин! Чума здесь!

– Служивый! – вступил бывший сержант, – Нам бы кого старшего увидеть! Я староста волостной, а это вот – священник!

– А! Понятно! Ждите! – солдат быстро достал из-за пазухи дудку и громко свистнул в неё. Минут через десять его окликнул невидимый для приехавших человек:

– Кузьма! Что там у тебя?

– Тут старшина местная прибыла, хочет с прапорщиком поговорить!

– К ручью пусть идут – там он!

– Знаете, где ручей? – спросил у старосты и священника солдат.

– А как же!

– Туда идите, прапорщик там. Только через ручей не переходить – карантин!

Офицер на самом деле был возле воды – он купался полуголый. Ертаульный был покрыт шрамами, на лице его красовался рубец от сабли, а на теле были заросшие колотые раны и следы от ожогов. Завидев гостей, он вышел на берег и принялся утираться:

– Кто такие? – крикнул он им.

– Местный волостной, да священник! Прибыли за инструкциями и новостями!

– А! Это хорошо! – офицер вытерся и накинул мундир, – Я прапорщик Ертаула Луцилин, команду карантином в Пантелеевке.

– Никитин Иван! Отец Лаврентий Толбаев!

– Так вот, здесь чума, сомнений нет! Я не первый раз такое вижу, даже без медиков могу разобраться. Мы тут пока только передовым отрядом. Завтра основные силы придут с докторами и монахами. Всю волость будем в карантин брать! Так что, помогайте!

– Что делать надо? – Никитин был очень мрачен.

– Ты, что, Иван, из солдат будешь?

– Отставной сержант Астраханского полка!

– Это хорошо, значит, дело знаешь! Карантин по волости объявляется. Пусть все в деревни вернуться и из домов не выходят. Заразу перенести нельзя! Пока никто не знает кто заражён, только время покажет!

– А как же работа?

– Императрица выделит споможествование! Голодать точно не будете!

Возвращались уже в темноте, молча.

Наутро приехали многочисленные подводы с палатками, котлами и людьми. Пантелеевку взяли в плотное кольцо почти два десятка ертаульных, ещё человек десять солдат и пятеро монахов начали ладить лагерь, трое иноков, доктор и младший лекарь отправились в деревню к Луцилину.

А в степи уже разворачивались кавалеристы. Передвижение между селениями было строго запрещено, да и так крестьяне, напуганные чумой, выполняли указание местных властей и сидели по домам, ожидая развития событий. Уже на следующий день по деревням пошли команды из лекарей и монахов, осматривая местных.

– Елизар! Ты ли это?

– Отец Памфилий! Давно не виделись! – неожиданная встреча старых знакомых обрадовала.

– Как ты, Елизар? Раны-то не беспокоят?

– Вашими молитвами, отче! Вот, прапорщиком стал! В дворяне вышел!

– Молодец! Всегда верил, что ты наверх выберешься! Потом ещё поговорим, господин прапорщик. Что здесь происходит? – Памфилий сразу же перешёл к делу.

– Чума у тринадцати местных крестьян мной определена, без сомнений. Первичные опросы показали, что зараза пришла по реке. Одна молодка вытащила из воды тюк с тряпьем. Заражены те, кто с ней общался и их семьи. По причине полевых работ чума дальше не разошлась. Пока...

– Ох, ты! Значит, мы с лекарем Вильямсом пойдём к больным, а доктор Мухин и отец Агапий, осмотрят остальных. Луцилин пристально взглянул на огромного одноглазого монаха, а тот кивнул ему как старому знакомому.

Через несколько часов подвели итоги – кроме тринадцати явно больных, заражены были ещё четверо, в том числе и маленькая дочка Гагариных. А к вечеру гонцы привезли и новую информацию – чума была ещё и в Нефёдовке. Хотя заражена была там всего одна семья, их в поле навещал сосед из Пантелеевки. Была надежда, что зараза не разбрелась по округе.

***

Райна бежала из Чёрного Города, сейчас поистине чёрного. Многие дома горели, мародёры, грабители и просто пьяные бродили по улицам. Винные склады никто толком не охранял, гарнизон приказов не получал и сидел в казармах, так что на улицах было очень опасно.

Женщина была в ужасе. Она собралась к золовке, спрятаться в крепком доме брата, но Ефросинья, ничего не объясняя, прислала ей с одним из капитанов Богдана маленького Ивайло. Тот передал, что в доме чума, ему сунули ребёнка, остро пахнущего уксусом, да мешочек с золотом и велели отвезти ей, с наказом бежать куда подальше. Страх заразиться был велик, но капитан был верен Богдану, а Райна слишком любила племянника.

Кое-как нагрузила она телегу и повезла детей и немного вещей из города. Ужас и полную беспомощность ощущала сейчас женщина. Мужа рядом не было, брата тоже. Она одна должна была спасти детей! Своих детей! Племянника она не считала за чужого, даже не испугалась взять его из чумного дома – он тоже её ребёнок! Бежать! Спасти! Только эти две мысли владели ею сейчас.

Она знала, куда им надо бежать. Ивайло всегда недоверчиво относился к городам. «Мы крестьяне, – говорил он. – В городе нам душно!» И, прямо перед своей пропажей, приобрёл домик на берегу моря в полутора десятке вёрст от Чёрного Города. Райна была там только раз и больше приезжать туда не хотела. Это место навевало ей мысли о муже, а это было слишком грустно. Но там можно было укрыться, дом пусть и подзаброшенный – всё равно дом!

Однако туда надо было добраться. В городе шли погромы. Женщина взяла с собой пистолы, которые ей подарил брат. Она жила без мужчины в доме. Муж должен был вернуться! Должен! Ивайло невероятно упрям и твёрд, он не может не вернуться к семье! Вера эта держала её, заставляла не опускать руки. Однако дом, в котором живут только женщины и дети, привлекает внимание преступников, поэтому в таком доме должно быть оружие. Три пистолы – дорогой подарок и большое подспорье сейчас.

Райна умела ими пользоваться, и её старший сын Богдан тоже уже был способен применять и заряжать оружие. Женщине дважды пришлось употребить пистолы при бегстве – первый безумец был убит ею недалеко от дома. Человек выскочил из переулка с рычанием, размахивая огромным ножом, и выстрел в лицо оставил лежать его на грязной улице.

А вот во второй раз всё было сложнее: их атаковала банда из пяти человек. Пришлось использовать все три пистолы, и им положительно повезло, что эти выстрелы остановили грабителей. И, пусть они об этом и не знали, но им очень повезло выбраться из города. Дорога, на

которую выехала их телега, была ещё не закрыта кордонами, и им всё-таки удалось достигнуть желанной цели – домика у моря. Тут-то Райна, наконец, смогла дать волю слезам.

***

Генерал Олиц оказался в окрестностях Чёрного Города случайно. Новоназначенный наместник проезжал к своему новому месту службы, но в плавании ему занедужило, и он остановился на отдых, воспользовавшись гостеприимством начальника эскадры Сенявина.

– Пётр Иванович! – к нему в комнату стремительно, словно ветер, ворвался сам адмирал.

Олиц отдыхал, сидя в кресле, подле широкого окна с видом на море. Он удивлённо оглянулся на гостя, поднялся из кресла и оправил халат:

– Алексей Наумович! Не ожидал...

– Пётр Иванович! Только на тебя надеюсь! Выручай!

– Что случилось-то?

– Да, что же ты, батюшка, ведь чума же в городе!

– Чума? А я здесь причём? Ведь есть комендант, ертаульные...

– Комендант, прости меня, Господи, дурак, каких свет не видывал! Пьёт, с бабами гуляет. Ертаульных не слушает, карантин в городе не объявил, даже гарнизон не поднял! Я-то в порту порядок навёл! Мои матросы всё здесь оцепили, а они устав знают! Ни один корабль не выйдет! Ертаульные вместе с флотскими врачами всех осматривают! А в городе...

– У, батенька, что творится-то! А я тут бездельничаю! Что же сразу-то не оповестили? Я-то человек неместный...

– Беспокоить не хотели, что болезнь-то, коли карантины установлены. А сегодня мои офицеры доложили, что в городе чёрт-те что творится. Я сам посмотрел! Никак без тебя не решим! Пока Потёмкин вести получит, пока вмешается – а в городе уже пожары вовсю! Гарнизон ничего поделаться не может! Беккер этот...

Всё, к ярости Олица, оказалось чистой правдой. Беккер, бывший вполне справным армейским офицером, на гражданской должности совсем забыл о долге. Он завёл себе целых трёх любовниц и предавался разгулу и развлечениям, не заботясь о городе. Получив информацию о чуме, не придав этому никакого значения, а ертаульного капитана, прибывшего к нему для определения карантинных мер, попросту выгнал.

За это время в городе началась настоящая эпидемия, заражённые разбегались, разнося болезнь по окрестностям. Мор удалось сдержать только благодаря Сенявину, который полностью закрыл порт и передвижение по воде даже на значительном расстоянии от города. Да и ертаулу, который смог выставить кордоны на больших дорогах.

Настоящий карантин ввёл уже Олиц, принявший командование в городе и окрестностях. Гарнизон начал патрулирование, моряки активно оказывали содействие. Очаги инфекции были изолированы, Олиц был замечательным администратором, и порядок, даже с минимальными силами, установил железный, причём всего за два дня.

Правда, город серьёзно пострадал – паника ужасная вещь. Люди теряют человеческий облик, грабят, убивают, жгут. И всё это бездумно, как животные. Богатые кварталы были разграблены, понять, кто выжил, кто бежал, кто попал в карантин, пока было невозможно.

Госпитали, развёрнутые в степи, переполнялись. Приходилось открывать новые, благо докторов на кораблях было много. Обслуживающий персонал вербовали из армейских и флотских подразделений, Олиц использовал для финансирования борьбы с чумой все доступные средства, включая церковную казну и принудительные займы у богатеев.

Потёмкину я лично запретил лезть в это дело. Олиц справлялся, а риск заражения – он и есть риск.

***

– Брат Агапий, а ведь тебя прапорщик-то узнал! – тихо произнёс Памфилий. Палатка была на двоих, и они лежали совсем рядом.

– Да, брат Памфилий, узнал. И я его тоже. Во время чумного бунта в Москве знакомы были.

– Сдаётся мне, брат Агапий, и мы с тобой раньше встречались. Вот, всё не до того, да не до того было, а тут прямо как ударило – видел я тебя раньше. Давно только, и не припомню никак...

– Я-то тебя знаю, ты ведь катом³² в Рязани был. Так, брат Памфилий?

– Вот теперь и я вспомнил...

– Что прошло, то миновало, брат Памфилий. Я-то тебя сразу узнал. Помню, как ты меня пытал. Ты же у меня тогда первый палач был... А что не говорил раньше – так в монахи-то ты тоже не просто со скуки пошёл... – спокойно сказал Агапий.

– М-да, вот не думал не гадал, что судьба меня с самим Колобком вот так сведёт... – так же спокойно, как и собеседник, проговорил Памфилий, – Вот сколько лет прошло... Как тебя занесло-то в монаси, брат Агапий?

– Да, как-то тошно мне стало. Душегуб я был: человека прибить – словно курицу зарезать. А потом как-то подумал: «Что там, на том конце? Столько душ на мне, ведь в ад попаду! Оправданий мне нет!» Так и взяли меня в Москве, задумчивого. Странно мне было: пытаются меня, а я всё про ад размышляю: «Также ли там будет?» – и понимал, что ещё хуже там должно быть.

А потом, чума. Я сначала мимо ушей всё пропускал, а затем, как наяву, увидел, что мой город горит. Я же сам московский, пусть и больно мне там было, а всё же Родина – иной раз снова вижу во сне улицы её, переулки... Тогда перед глазами полыхнуло, вызвался в мортусы идти, а уж когда вживую увидел, так всю душу вывернуло. Трупы разбираю, пожары тушил, больных в госпитали направляю, всё думал: «Может и в этом моя вина есть? Простит ли меня господь за такое?»

А потом мне знак был – младенца живого под мёртвой женщиной подобрал. Значит, могу я прощение получить! Два года послушником проходил в Николо-Угрешском³³ монастыре, потом принял постриг и был благословлён на подвиг в ертауле. Всё стражду искупить грехи свои. Вот так...

– Что же, откровенность за откровенность, брат Агапий... Я-то рязанский, дед мой катом был, отец, да и я тоже. Не думал я о Боге толком, мечтал, что и сынок мой катом будет – верный же хлеб. Только вот пришёл я как-то домой, а жена моя да сынок единственный от печки угорели. Вот здесь и осознал я, что они для меня всю жизнь составляли.

Батюшка, что моих отпевал, понял что-то обо мне и вразумил меня. Дальше, так жить уже не никак нельзя было. Вся эта боль, что я и предки мои людям причинили... Может, за неё я наказан так, а? Ушёл в монастырь, помыкался по разным обителям, никак места себе найти не выходило, и вот с начала ертаула я в нём.

– Что же, выходит, мы все тут грехи свои искупаем? – с неожиданной болью в голосе спросил Агапий.

– Выходит, так. Подвиг монашеский, он ведь такой – быть там, где ты больше пользы Богу приносишь. – Памфилий сказал очень уверенно, он явно много думал об этом, – Ладно, брат Агапий, давай спать будем. Утро скоро.

***

Генерал Олиц почти не спал уже больше двух недель – некогда было. Он носился по карантинным лагерям, проверял кордоны, объезжал город, проводил совещания с моряками, врачами, местным епископом Автономом. Порядок был наведён, городские службы восста-

---

³² Кат – палач (уст.)

³³ Николо-Угрешский монастырь – монастырь, основанный князем Дмитрием Донским в XIV в. в Подмосковье. Сейчас в г. Дзержинский.

навливали свою работу. На улицы ещё не полностью вернулась жизнь, ибо карантин отменять было рано, но патрули уже спокойно ходили по дорогам, пекарни работали, а в лавках продавали мясо и овощи.

Сейчас генерал проводил совещание по организации карантина морской и речной торговли. Остановить её полностью, означало нанести огромный ущерб купечеству, и потерять существенные средства от пошлин и сборов, что было недопустимо. Низкорослый «золотой пояс», явно восточного происхождения, доказывал с невероятной экспрессией необходимость полностью отменить карантин для торговли, мол, купцы не враги себе и развозить чуму не станут.

Олиц устало тёр свой лоб, слушая визгливый голос торговца.

– Выгнать бы его! А то бы и розог задать, слабоумному! – думал генерал, – А нельзя! Поссориться с купцами – доходов не будет, на что потом город восстанавливать... А! знаю! Свою-ка я его на чумное кладбище, путь посмотрит, как трупы хоронят. Бояться начнёт хотя бы.

Торговца прервал адмирал Сенявин, также сильно уставший в последнее время, и сорвавшийся раньше прочих:

– Да что ты несёшь, Григорий Иванович! Никогда флот российский не согласится на такое безумие! Хоть один матрос на корабле заболит, опять всё вспыхнет! Вот скажи мне, как зачумлённый этот по всему побережью да Днестру заразу разнёс? Чай, турок этот, что драгоценностями ворованными торговал, Божьим духом из Трапезунда чумного к нам попал! Вы, купцы, через кордон моровую язву протащили, а теперь вообще всё отменить хотите! Да никогда!

– Но ведь никак невозможно без торговли! – почти предсмертно взвыл купец.

– Тихо! – Олиц от головной боли скорчил жуткую гримасу, – Понятно, что держать торговлю в чёрном теле дальше никак нельзя, а уж без рыбной ловли мы все скоро от голода пухнуть начнём. Чума остановлена, чрезмерные строгости пора прекратить, но и возврата к прежней вседозволенности быть не может. Пусть контрабанду нам полностью не придушить, но уж приложить все усилия к этому надлежит.

Есть же карантинный устав! Есть Главный карантинный врач порта, да ещё и наместничества! Где соблюдение правил?

Доктор Левицкий до этого молчавший испуганно поднялся и начал:

– Я, прошу извинений, не раз указывал капитану порта и коменданту города на несоблюдение устава...

– Где Ваши доклады мне? – взревел Сенявин.

– Я, прошу извинений, Вам не подчиняюсь! – тихо-тихо ответил, сжимаясь, медик.

– А доклады в наместничество и главному карантинному врачу в столице есть? – также негромко спросил Олиц и снова потёр лоб.

– Никак нет...

– Почему?

– Приношу извинения, но капитан порта мне воспрещал.

– Так он же Вам не начальник? Молчите? Арестовать его, отвезти в тайную экспедицию. – устало отдал приказ генерал. Врача вывели, тот плакал.

Олиц надавил руками на виски:

– Итак, карантин необходимо возобновить в полном объёме. Ещё есть кому что сказать?

– Да! – глухо подал голос Сенявин, – Я настаиваю на невозможности дальнейшего размещения в одной гавани военного и торгового портов. Всякая зараза, контрабандисты – флоту этого не надо!

– Алексей Наумович! Насколько я понимаю, определение места для нового торгового порта – Ваша обязанность. Что Вы воздух-то сотрясаете. Я не слышал про докладную о подобном.

– Места для порта исследуются...

– Значит, пока нам приходится жить с тем, что есть, Алексей Наумович! Ищите новое место, обосновывайте, и как только определитесь, так сразу перенос торгового порта и начнётся. Есть ещё кому что сказать? Нет? Ладно, господа, занимайтесь своими делами. Мне ещё доклад в столицу писать. – и Олиц снова скривился от боли.

Все вышли, он аккуратно выводил буквы на бумаге, и вдруг выронил перо. Схватился руками за виски и со стоном уткнулся головой в стол.

Секретарь заглянул в кабинет генерала лишь через полчаса.

***

Богдан, наконец, вернулся в давно ставший ему родным порт бывшего Очакова. Дела его шли очень хорошо, заработок за это плавание превышал все ожидания, но настроение ему портил слух, который до него дошёл в Стамбуле – дескать, в Чёрном Городе чума. Так что, он не стал заходить в Бургас³⁴, хотя мог заработать ещё, а направился сразу к родному очагу. И так почти два месяца не было его дома.

Порт встретил его неласково. К кораблю сразу же подошёл караул из восьми морских солдат с сержантом. Экипаж был выведен с судна и определён в карантинный барак. Самому судовладельцу было наказано посетить капитана над портом. Такие строгости были Богдану в новинку, визит к начальнику порта был формально положен, но он привык выполнять официальные обязанности на следующий день, после завершения дел и отдыха в родных стенах.

Да и в карантин экипаж садился сам, а не под стражей, чем Гешов в своих деловых целях неоднократно пользовался.

– Что у вас здесь происходит? – начал было Богдан, но, к его удивлению, в канцелярии сидели совсем не те люди, что прежде, а в кабинете капитана был не его старый знакомец, с которым его объединяли многочисленные деловые интересы.

– Гешов? – мрачно встретил его новый капитан, – В неудачный день Вы прибыли!

– Что происходит?

– Генерал Олиц умер. В городе траур, в порту тоже. Карантинные и таможенные офицеры на прощании с Петром Ивановичем. Процедуры досмотра займут много больше времени.

– Олиц? А он что, был в городе?

– Вы, похоже, ничего не знаете о происходящем. – равнодушно заметил капитан порта.

– Что случилось?

– В городе была чума, волнения. Чёрный Город жив благодаря ему.

– А он тоже от чумы умер?

– Нет, апоплексический удар. Большая трагедия для всех нас! – капитан горестно покачал головой.

– Моя семья живёт в городе, что с ней?

– Не знаю. – по-прежнему равнодушно отвечал чиновник.

– Мне надо к жене и сыну!

– Это положительно невозможно. Сначала процедуры, потом карантин...

– Но, Георгий Петрович всегда...

– За подобное его и сняли! Адмирал Сенявин был крайне недоволен безобразиями, творившимися в коммерческом порту, вся администрация заменена на военную. Понятно?

– Но...

---

³⁴ Бургас – черноморский порт в Болгарии.

– Давайте адрес и записку семье, отправлю к ним рассылного. – смягчился капитан порта.

***

– Доктор Мухин, сколько ещё живых в бараке осталось? – устало спросил Лушилин.

– Всего трое, господин прапорщик. Восемнадцать человек похоронили.

– Тяжело... Доктор Швецов, который следит за лагерем за ручьём, говорит, что карантин завершается – больше заболевших нет. Значит, только эти трое. Кстати, кто ещё жив?

– Иона Шипов, он прежде Шепардом звался, из Пантелеевки, Степан Горшков из Нефёдовки, да маленькая Анна Гагарина.

– Девочка ещё жива? Чудо! Не думал я, что она так долго продержится...

– От неё отец Памфилий ни на шаг не отходит. Похоже, выживет!

– Чудо! Воистину чудо! По остальным прогнозы есть?

– Даст Бог, и Горшков выздоровеет, а вот Шипов – не жилец. Сегодня-завтра преставится.

– Будем молиться за них...

– Господин прапорщик, а зараза ещё где замечена?

– Не волнуйтесь, Константин Григорьевич – нет. Похоже, у нас эпидемия закончилась.

Вот в Польше да Венгрии – там чума вовсю свирепствует. Всех освободившихся ертаульных в Малопольшу отправляют – у Румянцева уже войск не хватает на карантин, в Кракове чёрт знает что творится. А в Империи, вообще, конец света! Армия с карантинами свирепствует. Беженцы десятками тысяч к нам валят. Пришлось Потёмкину за Прутом уже восемнадцать карантинных открыть. Армию в кордоны развернули. Тяжело там, наместник разрывается на Дунай и Таврию.

– На замену Олицу-то кого пророчат?

– Вроде бы Брюса³⁵, но пока он доедет, пока в должность вступит...

– М-да... А мы что делать будем?

– Ну, как, через неделю основной карантин завершится – крестьян по домам, ертаульным в Польшу приказ идти, а мы с Вами ещё месяц после завершения болезни тут посидим, себя проверим, да и за местными присмотрим. А что потом будет – кто его знает, приказ будем ждать.

***

– Брат Памфилий, ты почто совсем о себе не думаешь? Ведь сколько уже не спишь, да и не ешь почти ничего! Исхудал совсем! – Агапий остановил товарища, с которым не общался уже много дней.

– А, брат Агапий! Прости! Аннушке совсем нехорошо! Рядом надо быть!

– Как же так, брат! Сколько людей вокруг, разве можно всем-то помочь?

– Что ты, Агапий! – Памфилий ласково улыбнулся, – Каждый человек для Господа ценен! Пока ноги меня по земле носят, я должен помогать каждому!

– Что же теперь, обязательно каждому помогать?

– Каждому! Разве ты просто свои грехи отмаливаешь? Или думаешь, что грех Богом на благодеяние обменивается? Вижу, не думаешь! Сам всем помогаешь!

– Но ты же от неё не отходишь вообще!

– Видишь, Агапий, тут же душа невинная! Дитя совсем, только на ножки встала. Ей такие испытания! За что так? Матери у неё уже нет, чума её ест... За грехи наши! Не свои! Может, за мои грехи, может, за твои... Дитя оно же, как Божий дар. Вот у меня сынок был... Да и ты мне рассказал про знак Божий, что тебе в Москве явился. В общем, я для себя решил, брат Агапий, что ежели дитя выживет, то, значит, простил меня Бог за грехи мои, понимаешь?

– Понимаю... Только вот шансов-то у неё нет совсем!

---

³⁵ Брюс Яков Александрович (1730–1791) – русский военный и государственный деятель, граф.

– Всё в руках Божьих!

***

– Господин прапорщик! Выжила девочка-то!

– Выжила? – Луцилин оторопело перекрестился. – Господи, твоя воля! Чудо!

– Да, оно самое! – доктор устало стер пот с лица, – Вы́ходил её отец Памфилий! Не отходил ни днём ни ночью и вы́ходил! Всего девятнадцать человек умерло! Справились мы!

– Ох, Константин Григорьевич, не устали ли Вы людей хоронить, а?

– Что Вы, Елизар Демидыч, работа моя такая, врачебная, людей хоронить! – усмехнулся врач, – Такое дело, коли человек больной, так вылечить его не всегда выходит. Вот Вы тоже же, солдат, Вам людей в могилу опускать тоже работой вменяется.

– Да, только вот устал я хоронить женщин да детей. На войне-то такое нечасто бывает. Выпьете со мной, доктор? Всё же закончилось – можно немного.

– Давайте! Вот давно спросить хотел, где Вас так всего изранили?

– А, это... Это я когда в Кабарде с чумой боролся. В одном сельце местные против нас возбудились, а я туда всего с двумя солдатами, да лекарем пришёл – спешили очень, да и удачно всё шло, а тут... Чудом выжил! Один местный дворянин меня спас, вывез оттуда, да вон отцу Памфилию передал, тот меня и вы́ходил.

– И что потом?

– Ну, отблагодарили его.

– А с деревней-то что? Наказали?

– Да нет, я туда потом наведался – не было её больше. Видно, моровая язва там похозяйничала. То ли все умерли, то ли разбежались. Да и неинтересно – чуму-то мы там победили. Но вот так без поддержки и подготовки я больше в селения не вхожу!

***

Богдан шёл по мостовой, ведя коня в поводу. Он смотрел на улицы города, который пытался считать родным и на которые именно он навёл смерть. Гешов шёл медленно, страхась увидеть свой дом, а точнее сказать – его руины, о которых говорил ему портовый рассыльный.

Вот здесь был дом Ивайло и Райны, здесь Акопа-ювелира, здесь Степана-лесоторговца, здесь Григория, который держал кирпичный заводик... Знакомые места изменились, напитались кошмаром произошедшего и уже не вызывали тёплых чувств. Где-то пятая часть домов в городе сильно пострадала, и уже были видны бригады рабочих, разбиравших развалины.

Наконец судовладелец подошёл к своему дому. Его красавец особняк, что он построил для молодой жены, и на который заглядывались все жители города, был сожжён полностью. Чёрные закопчённые стены и провалы окон. Он стоял перед тем местом, что раньше было крыльцом, и молился. Слишком сильный, чтобы плакать, он просто молился. Просил Бога, чтобы его жена и ребёнок были живы, чтобы это всё оказалось лишь ужасным сном.

Потом он подошёл к сохранившемуся дому по соседству и постучал в дверь. На его стук открылось окно наверху, и недовольный голос спросил:

– Кого там нелёгкая принесла? Не ведаешь что ли – карантин в городе?! Никого не принимаем!

– Василий, ты не узнаешь меня? – прокричал, задрав голову судовладелец.

– Гешов? Ты живой? Я думал, что погиб!

– Я был в плавании, потом карантин. Василий, ты не знаешь, где моя семья, что с Ефросиньей?

– Ефросинья? Так все умерли! Весь дом вымер! А потом сгорел! – Богдан видел своего собеседника, почувствовал паузу в его речи перед последней фразой и разглядел, как забегали его глаза.

– Вы сожгли мой дом? – прямо спросил он соседа.

– Что ты?! Как мы могли! Он сгорел сам! Но там все умерли, все! Оттуда долго не раздавалось ни звука! Сам понимаешь, чума!

– Ты, Василий? Как же так, ты был гостем на моей свадьбе?

– Что ты знаешь? Ты не видел чумы! Не понимаешь ужаса смерти, которая может взять любого и даже тебя! Уйди! – и окно захлопнулось.

Горечь подтупила к горлу Богдана. Он упал на колени, просто захлёбываясь желчью, его рвало на покрытые копотью камни улицы.

Гешов бродил по городу до ночи. За конём он нисколько не следил, и чудо, что тот увязался за хозяином. Наконец, уже в полной темноте, которую разгоняли редкие фонари, он постучался в дверь епископа Автонома. Иерарх жил в небольшом доме, не демонстрируя своё положение. Богдана здесь хорошо знали, тот всегда жертвовал средства на церковные нужды и не раз бывал у иерарха.

Дверь открылась, служитель посмотрел на него и молча отвёл к епископу, будто его давно ждали. Автоном кивнул ему на стул около своего стола в кабинете, закончил что-то писать, перекрестился на иконы и устало спросил:

– Давно вернулся?

– Сегодня из карантина вышел, Владыка.

– Что пришёл?

– Покаяться хочу!

– В чём? – искренне удивился Автоном.

– Это я чуму в город привёл, Владыка! – Богдан хотел выкрикнуть это, но вышел только сдавленный всхлип.

– Что? – Автоном посуровел и напрягся, – Как ты?

– Я! Точно знаю! В карантинном доме все говорят, что заразу притащил турок, который краденые драгоценности Трапезундского паши под видом женских вещей для Замойских в Могилёв вёз. Я привёз турка из Трапезунда. Он как раз тканями, да вещами торговал, только вот подозрителен турок был – деньгами сорил, да и Ефросинье он как раз серьги подарил. Я его тайно провёл в город без карантина и досмотра и передал его Симону Сапогу, чтобы тот его в Могилёв доставил.

– Того самого турка? – епископ неверяще покачал головой.

– Точно. Да и слуги его ещё в Трапезунде заболели. Я виноват, больше никому.

– Ох, беда! – владыка встал из-за стола и заходил по комнате, – Как же ты, Богдан?

– Деньги мне глаза застили, Владыка! Мне всегда везло...

– Деньги... Вот мог бы и догадаться, что ты слишком азартен, мальчик...

– Владыка, а моя семья? Может, кто уцелел? Сестра должна была спрятаться в моём доме...

– Хотел бы я дать тебе надежду, но... В городе никого из твоих в живых нет точно, а за город кордоны не выпускали. Трупы закапывали без опознания, часть сожгли, иногда вместе с домами. Если не твои капитаны вывезли...

– Нет, Владыка... Наказывает меня Бог...

– Сын мой, пути Господни неисповедимы. Чего ты хочешь? Зачем ты пришёл именно ко мне? Хотел бы точно узнать про семью, или чтобы наказали тебя, пошёл бы к коменданту...

– Не знаю, Владыка. Что делать не знаю. Руки на себя наложить? Всё сам погубил. Жена, сын, сестра, дети её... Город, люди – столько людей! И я в этом всё виновен! – голос его повышался, и последние слова он прокричал.

– Руки наложить! Да как у тебя язык повернулся такое сказать! – епископ даже зарычал, но сразу же пришёл в себя, – Нет, сын мой – испытания сии даны тебе, дабы научить тебя, направить тебя... Ох, тяжело-то как! Давай-ка, сын мой, помолимся.

Они встали на колени перед иконостасом и молились. Молились долго, истово. Потом без конца говорили. Утро застало за беседой.

– Ох, сын мой, что же нам с тобой делать-то? – вздохнул епископ.

– Я не знаю, Владыка. Пойду, наверное, к коменданту, сдамся. Пусть казнят, есть за что.

– Нет. – твёрдо сказал Автоном, – Не пойдёшь. За свою вину ты муками совести платишь и платить будешь! Казнить тебя, только страдания твои облегчать! А это и есть наказание твоё! Моё слово такое!

– А куда же мне идти?

– В монастырь? Нет, слишком ты для обители дерзкий. Уезжай, Богдан.

– Куда, Владыка? Обратю в Турцию?

– Нет. Просто подальше, где у тебя друзей-знакомцев нет. Начни всё заново и попробуй не повторить своих ошибок, сын мой!

– Можно, Владыка, последнюю просьбу?

Автоном недоумённо поднял брови.

– Не за себя прошу, Владыка! Я хочу своё имущество пустить на помощь пострадавшим от чумы! Моя вина! Деньги эти проклятые, что мне всю жизнь изуродовали! Прошу церковь взять всё под опеку.

– Богоугодное это дело, Богдан!

– Но это ещё всё, Владыка. У меня брат названный есть, зять мой – Ивайло Попов. Пропал он без вести, но верю, что он вернётся. Не может он не вернуться. Он такой!

– И что же ты хочешь?

– Не могу я оставить Ивайло без всего. Вернётся он, дома нет, родных нет... Сохраните для него десятину, прошу!

– Благословляю тебя, сын мой!

Глава 3

Мы хоронили Олица. Одного из лучших русских администраторов, отличного военачальника, прекрасного человека и моего друга. Пусть и не очень близкого, но всё-таки друга. Я не успел достойно его наградить за успехи в Прибалтике, где он превратил эти немецкие земли в нормальные российские губернии. Спешили, всё потом, казалось, что время ещё есть, а его-то не было...

Пора бы привыкнуть лишаться друзей и соратников, но сердце не хочет смиряться с потерями. Горько. Сколько ещё мог бы сделать Пётр Иванович! После его смерти я получил целую пачку черновиков его проектов по устройению торговли, поселений и землепашества в Прибалтийских и Причерноморских землях. Он думал, думал всё время о благополучии вверенных ему территорий, но не успел свести всё в официальный доклад.

Целый набор идей, которые могли пригодиться и наместникам южных наместничеств, и Земельному, Земледельческому и Горному приказам – где ставить новые города и сёла, на какие технологии обращать внимание, какие минералы искать. Умница был генерал-аншеф Олиц, вот и немец по рождению, а русский без малейших сомнений, только о России и думал!

На его смерть Державин написал оду, но она мне не понравилась – сухая и тяжёлая вышла, а вот поэма, которую создал уже немолодой капитан Махмудов, служивший под началом Петра Ивановича только в Чёрном Городе, присланная мне адмиралом Сенявиным, просто меня потрясла.

В общем, на траурной церемонии свою «Оду на смерть генерала Олица» читал именно Махмудов, его специально привезли в Петербург. Он оказался действительно талантливым поэтом, но исключительно стеснительным. И только лишь неожиданная смерть столь яркого человека, как Пётр Иванович, заставила тихого капитана, служившего в гарнизоне Чёрного Города, открыть окружающим свои стихи.

Я его обласкал, назвал новым русским пиитом и оказал невозможную, с его точки зрения, честь – читать своё творение перед великим множеством слушателей. У Державина появился соперник.

Собственных детей у Олица не было, но был приёмный сын Юрий – отпрыск его боевого товарища премьер-майора Монастырёва, погибшего в войне с турками. Юноша учился в Инженерном корпусе, причём числился среди лучших воспитанников. Я пригласил его к себе, мне хотелось хоть как-то почтить память столь талантливого человека, как его приёмный отец, если уж я не успел отблагодарить его живого.

Молодой человек был крупным, высоким, с могучими плечами, очень рассудительным и спокойным. Он был сильно огорчён смертью названного отца и вначале нашей беседы почти не говорил, и явно еле сдерживал слёзы. Олиц и его жена очень любили юношу, а он почти не помнил настоящих родителей, хоть и чтит их память. Хотя и не специально, но я всё-таки заставил Юрия заплакать, когда даровал ему право носить фамилию Монастырёв-Олицин, дабы род столь славного человека не угас.

Я обнял его и пообещал всегда заботиться о потомстве своего верного генерала. Он быстро опомнился, хотя ему явно было очень тоскливо. Юрий ничего не попросил для себя лично, только хлопотал о матери. Конечно, я уверил его в своей полной поддержке вдовы. И только после этого у него отлегло.

Оказалось, что он мечтал об архитектуре. У нас в корпусе существовал кружок молодых зодчих, под руководством прославленного Этьена-Луи Булле³⁶, который там преподавал.

---

³⁶ Булле Этьен-Луи (1728–1799) – знаменитый французский архитектор-неоклассицист.

Сложности с воспроизводством своих градостроителей у нас были. Архитектурная школа, наследница Академии художеств, выпускала немногочисленных и откровенно слабых с точки зрения профессии специалистов. Они были скорее художниками, и им требовались долгие годы обучения у опытных мастеров, чтобы уметь построить здание, которое не развалится ещё при постройке. А с мостами всё было ещё хуже, ибо такого строительства у нас почти и не велось, и практиковаться в этом искусстве архитекторам было негде.

Временно проблема была закрыта приглашением множества европейских зодчих, привлечённых объёмами нового строительства в России и рекомендациями великого Пиранези³⁷. Однако и от развития собственной школы зодчества я отказываться не собирался. Случайно оброненная мною фраза, о том, что архитектура – это застывшая в камне музыка, стала очень популярной и отменно послужила привлечению интереса к этому искусству. Очарованные моим вниманием, к нам поехали лучшие европейские зодчие.

Вопрос же собственного обучения специалистов в проектировании и строительстве решался системно. Сама архитектура находится на стыке науки и искусства, поэтому мы определили, что новое поколение градостроителей будем обучать именно в Инженерном корпусе, где и планировалось создать специальный класс, но уже со временем и на старших курсах. Однако талант преподавателей привёл к тому, что практически сразу сложилась группа молодёжи, которая грезила музыкой, застывшей в камне, и всё своё немногочисленное свободное время тратила на знакомство именно с этим искусством.

Юрий был одним из активных участников данного сообщества новиков³⁸, желающих учиться архитектуре, и говорил почти исключительно о чудесных дворцах, соборах и храмах, о своих преподавателях и друзьях. Видимо, только это увлечение сейчас могло отвлечь его от потери, которую он понёс. Хороший парень, скромный, явно талантливый, учителя о нём прекрасно отзываются...

***

Через два дня я посетил, как обещал Юрию, Инженерный корпус для знакомства с молодыми зодчими. Конечно, не только просьбы юноши были причиной моего визита в корпус. Земельный приказ, а точнее, его экспедиция мостового и дорожного строительства, уже тревожили сообщениями о нехватке инженеров. Такие же сигналы подавала и экспедиция устройства каналов и прудов приказа Земледелия. Даже Хлебная и Соляные палаты просили дать им больше инженеров, а в будущем эта нехватка должна была приобрести уже катастрофические формы.

Армия наша, конечно, росла, выпуск корпусов постепенно увеличивался, но вот потребности гражданских организаций в планировании этого роста учтены не были. В общем, для удовлетворения растущего спроса необходимо было обучать значительно больше инженеров.

В связи с этим мне требовалось обговорить детали проекта с Ганнибалом и его людьми, а уж посмотреть на юных зодчих можно было заодно с этим. Разговор был долгим, ибо и Абрам Петрович также пришёл к выводу, что темпы подготовки новых выпускников в корпусе недостаточны. Правда, в своих предположениях он опирался на идеи главного инженера армии – генерал-майора Немого³⁹.

Тот предполагал необходимость увеличения количества инженерных подразделений для ускорения передвижения боевых частей и обозов, а также с целью форсирования строительства

---

³⁷ Пиранези Джованни Батиста (1720–1778) – итальянский архитектор, художник, археолог. Создатель знаменитых в XVIII веке архитектурных фантазий в стиле Древнего Рима.

³⁸ Новик – дворянский подросток.

³⁹ Немой Андрей Алексеевич (1737-?) – русский военный инженер и горный деятель. Изобретатель парусиновых понтонов, используемых в русской армии до начала XX в.

полевых оборонительных сооружений. Позиция Немого пока изучалась в Генеральном штабе, но правильность его рассуждений Ганнибалом под сомнение не ставилась.

В общем, пришлось серьёзно обсудить планы по новому строительству и привлечению преподавателей, что требовало существенного увеличения затрат. Но, что тут поделать... Вечером мы освободились и я устроил торжественный приём для лучших учеников корпуса, в том числе и для молодых архитекторов.

– Юрий! Как и обещал, я прибыл к вам в корпус. – улыбнулся я Монастырёву-Олицину, который сиял словно медный пятак, – Представьте мне своих товарищей!

– Ваше Высочество, я с радостью! – молодой человек заволновался и принялся оглядываться по сторонам, видимо, желая собрать вокруг себя всех новиков.

– Не волнуйтесь, юноша! – Ганнибал остановил его строгим тоном, однако в его глазах плясали чёртики, – Я и сам смогу назвать Павлу Петровичу всех прочих! А Вы пока назовите ему тех двоих, что стоят рядом с Вами! Они же Ваши друзья и члены кружка архитекторов академика Булле?

– Именно так, господин директор!

– Говорите с Их Высочеством, юноша! – Юрий совсем было испугался, но здесь Абрам Петрович не выдержал и засмеялся.

– Ваше Высочество, разрешите Вам представить Ивана Сивоконева и Джамбулата Кургокова! – Олицин справился с собой и церемонно указал на своих спутников. Те склонились в поклоне.

Стоявший чуть позади меня Ганнибал начал тихо, так, чтобы юноши его не слышали, говорить мне на ухо:

– Все эти молодые люди, без всякого сомнения, очень талантливы. Сам Монастырёв тяготеет к математике, Сивоконев весьма неплох в механике, а вот князь Кургоков почти гениален в живописи и музицировании. Преподающий у нас господин Кэмерон с моего согласия отправил рисунки римских построек юноши самому Пиранези. Тот выразил своё восхищение молодым человеком и просил непременно отправить его к нему на обучение.

Князь – безусловный авторитет среди сверстников, лучший мой новик. Он поступил в кавалерийский корпус, но настоял на переводе ко мне. Джамбулат очень решительный молодой человек, узнав, что у нас преподают рисование, твёрдо встал против мнения родни. Замечу, что его кузен Кучум Джанхотов, также весьма неплохо рисует, и сам Иван Иванович Бецкой⁴⁰ прочит ему карьеру художника, но тот всё же мечтает о судьбе военного, хотя уроки у Левицкого⁴¹ берёт.

А талант музыканта в князе Кургокове открыл господин Моцарт⁴², желал бы преподавать ему сам, но не смог из-за собственной занятости, но вот новый капельмейстер императрицы Йозеф Гайдн⁴³ время нашёл, и активно его обучает. Порою, мне кажется, что этот мальчик – двуязычен. Чрезвычайно умен, с сильной волей и очень вынослив – спит часа по четыре, а всё остальное время учится, сохраняя ясный ум. М-да...

– А прочие двое? – я доверял мнению Ганнибала, Абрам Петрович был прекрасным и справедливым учителем.

– Ну, Юрий – также талантлив, правда слегка увлекается. Он всегда пытается всё просчитать, но, когда у него не выходит – быстро охладевает к прежнему плану. А Ваня – тоже неплохо рисует, любит механику, но человек ведóмый – своих идей у него мало, он слушает князя.

---

⁴⁰ Бецкой Иван Иванович (1704–1795) – русский административный и культурный деятель.

⁴¹ Левицкий Дмитрий Григорьевич (1735–1822) – русский художник, мастер парадного портрета.

⁴² Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791) – великий австрийский композитор и музыкант-виртуоз.

⁴³ Гайдн Франц Йозеф (1732–1809) – великий австрийский композитор.

- Что же, господа, вы решили стать именно зодчими? – с ласковой улыбкой спросил я.
– Иное просто невозможно, Ваше Высочество! – горячо отвечал Монастырёв-Олицин.

Его друзья восторженно закивали.

- И сколько Вас таких?

– Двадцать три человека! – чётко ответил мне молодой кабардинский князь.

– Что же, похвально, ибо здания, которые строятся в государстве нашем, должны быть красивы и прочны, а без обученных зодчих, которые любят своё дело, сие невозможно. Чего вам не хватает, юноши, для обучения? Мы с Абрамом Петровичем готовы вам помочь.

– Ваше Высочество! – снова взял слово Джамбулат Кургоков, – В корпусе нам во всём готовы помочь, но мы бы всё-таки просили организовать и у нас модельную мастерскую, как в Генеральном штабе! – когда он волновался, в его речи отчётливо прорезался небольшой акцент, – Они помогают нам, но хотелось бы больше!

Я оглянулся на Ганнибала, тот согласно кивнул.

– Хорошо, не возражаю! Мастерскую заведём! Это всё?

– Никак нет, Ваше Высочество! Если позволите, ещё одна просьба!

– Так!

– Мы бы просили Вас о поездке в Италию! Именно там есть постройки древнего Рима, который и даровал нам науки, в том числе архитектуру, показал нам примеры столь прекрасных зданий, что мы мечтаем построить!

– Почему же только Италия? Чем хуже замки Германии, Франции? Дворцы и крепости Константинополя? Постройки Персии или далёкого Китая? Неужели вам не важны другие здания мира? – мне было любопытно, что ответит юноша.

– Интересны! Но, как мне кажется, это займёт слишком много времени и потребует ещё больше средств. А именно Италия – место, где можно рядом и быстро найти красоту и совершенство.

– Хорошо, я подумаю об организации поездки после завершения обязательной службы, конечно. – мне понравился ответ молодого человека, он нашёл аргументы для обоснования своей мечты.

– Абрам Петрович, а не пора ли нам завести и неевропейских преподавателей? Ведь те же турки совсем недавно едва не захватили Вену, да и Индия с Китаем весьма интересны, в том числе, и с точки зрения инженерной науки... Как Вы думаете?

– Вполне возможно, Павел Петрович! Мне, как потомку африканцев, понять это проще, чем многим. Однако где нам взять способных людей?

– Олсуфьев, чай, недаром хлеб свой ест – найдёт! – усмехнулся я.

***

– Чёртов Норт! Редкий мерзавец! Просто сатанинское отродье! – Трубецкой был в бешенстве, что было для него совсем несвойственно.

– Что, случилось, Николай? – Лобов ожидал русского посланника в Лондоне в его кабинете и был весьма удивлён столь сильным волнением человека, что за время, проведённое им в Лондоне, стал его приятелем, – Англия объявила нам войну?

– Слава богу, нет! Но я уже ничему не удивлюсь! Положительно Норт совсем потерял совесть и ум! Представляешь, он категорически отказался решать твою проблему с Генстманом⁴⁴. Дескать, он разрешение дал, а что Гентсман тебя выгнал, то правительство здесь ни при чём! Я ему про то, что сие есть оскорбление! Тебя же пытались избить! Представителя Императора Российского!

– Ну, как... Пытались же только. Я же не дал!

---

⁴⁴ Гентсман Уильям (1733–1809) – английский металлург, наследник изобретателя тигельного способа изготовления стали Бенджамина Гентсмана.

– Но, ведь хотели нанести увечья лицу, облечённому доверием монарха! Слуги, причём! И причин формальных этому нет!

– Николай, ты же всё прекрасно знаешь! Гентсман понял, что я ищу секрет его стали, и главное, могу его узнать. А это большое место их семьи! И этот безумец в сердцах велел слугам меня побить...

– Убить же! Алексей! Убить!

– Ну, что ты! Не убили же. Обвинение-то против меня в нападении Норт отменил?

– Отменил. До такой наглости он всё-таки не дошёл, но вот письмо к Уокеру⁴⁵ подписывать отказался. Мол, согласовали Гентсмана, поезжай в Аттерклиф⁴⁶ и договаривайся...

– Прекрасно... – скривился Лобов, – Значит, всё? Домой?

– Давай попробуем сделать ещё пару ходов! Куда тебе спешить?

– Домой, Николай, домой! Это ты здесь посланник, а я-то – по делам! Коли дела заканчиваются, то пора...

– Нет, подожди ещё немного, друг мой!

– Как скажешь...

– Алексей! А давай отложим всё и пойдём выпьем? Сил нет!

– Не возражаю! Сам засиделся.

– Мне рекомендовали новый клуб – «Старый павлин». Вроде бы там собираются приличные люди, отличная кухня и развлечения без крайностей. Рекомендации есть.

– Поехали!

***

– Вот скажи мне, Алексей, ты за это время в Великобритании что-то полезное узнал? – клуб действительно был неплох, и друзья спокойно пили отличные португальские вина и спускали пар в беседе.

– Думал об этом. Честно говоря, я всё время об этом думаю... Конечно, узнал! Идей полным-полно, но вот секрет Гентсмана бы ещё...

– Подожди же ты ещё немного! Ну, этот Норт! – и Трубецкой разразился длинным ругательством, мешая русские и английские слова.

– Джентльмены! Вы что-то имеете против лорда Нортона и его правительства? – к ним подошёл крупный нетрезвый мужчина, говорящий с ярким шотландским акцентом.

– Чёрт побери! Имею! Да ещё как имею! Я металлург из России! Я учился у лучших европейских профессоров! Я приехал в Англию продолжать образование и работать, а меня гоняют туда-сюда! То луддиты, то деревенские безумцы, мои планы постоянно отменяют, а этот Норт только пожимает плечами и кормит меня завтраками! – Лобов разразился длиннющей тирадой и злобно оскалился на незваного гостя, готовясь к очередной драке.

– Ха-ха-ха! Прекрасно! Я тоже ненавижу этого жулика! И я тоже металлург! Я здесь уже месяц сижу! А премьер-министр всё тянет из меня деньги! Я делаю отличные пушки, а он мешает мне получить контракты! – пьяно хрипел шотландец.

– Лорд Норт? – Трубецкой с недоверием посмотрел на него.

– Чёрт! Конечно, не он лично! Его люди! Я договорился с кучей народу, сильно потратился, а он держит мой контракт! Я скоро разорюсь! Кстати, Чарльз Гаскойн⁴⁷ из Фолкирка⁴⁸! Чёрт! Мы завязли в этой чёртовой Америке! Наши войска несут потери, мы собираем людей с улиц, мы вычистили всю Германию! Часть заводов сожжена этими проклятыми луддитами,

---

⁴⁵ Уокер Сэмюэл (1715–1782) – английский металлург, по легенде, переодевшись нищим, похитил секрет стали Гентсмана.

⁴⁶ Аттерклиф – пригород Шеффилда, где размещалась фабрика Гентсмана.

⁴⁷ Гаскойн Чарльз (Карл Карлович) (1737–1806) – шотландский металлург, позднее русский металлург, архитектор и администратор.

⁴⁸ Фолкирк – город в Центральной Шотландии.

а мои пушки отличные, но их не покупает правительство! Я добился такого качества, что все остальные уже в подмётки им не годятся! А этот Норт... – и шотландец пьяно заплакал.

– Чарльз, я Алексис Лобов, русский, а это наш посланник Николас Трубецкой. Давай, парень, выпьем! Николай, похоже, я знаю, куда я смогу съездить, пока ты ищешь ходы, а?

Ночь была безлунной, и тьма накрыла землю, как укутывается в одеяло спящий человек. Стояла тишина, которую разрывали истошные крики лягушек. Строганов, одетый в маньчжурский халат, устало примостился рядом с восседающим на коне Хэшенем⁴⁹. Мерин цинского вельможи был смирный и вёл себя очень спокойно, только изредка переступал с ноги на ногу. Все солдаты небольшого отряда маньчжур также в полной тишине ожидали команды военачальника.

Моря не было видно, всё было затянуто дымкой, понять, что там происходит, можно было только по изредка доносившимся через туман звукам. Тишина была почти совершенной, тьма тоже. Александр напрягал слух. Пытаясь понять, что же происходил на море.

Так продолжалось очень долго, возможно, час, возможно, несколько часов, Строганов совсем потерял счёт времени. Хэшень всё недвижно, как статуя, ждал. Наконец, послышался скрип и шлёпанье вёсел по воде. Будто получив сигнал, у самого берега зашевелились люди. Утлые судёнышки рыбаков, выплывали из тумана, останавливались, не доходя до берега, и встречающие забредали в воду по пояс. Они принимали тюки из промасленной кожи и переносили их на берег, где их забирали другие китайцы и утаскивали в ночь.

Всё это происходило практически в полной тишине. Сколько тюков сгрузили и унесли, Строганов не смог сосчитать – давно сбился, но сопровождавший Хэшени секретарь-китаец записывал всё. Наконец, тюки закончились. Из темноты вышел к маньчжурам высокий одноглазый китаец с бритым лбом в одежде чиновника одного из самых младших рангов. Низко кланяясь и не глядя на лицо вельможи, он отчитался в приёмке груза.

Секретарь Хэшени было пустился с ним в обсуждении о сумме, которая причитается за этот товар его хозяину, но сам маньчжур прошипел сквозь зубы что-то презрительное. Сумму он назвал заранее, контрабанда была доставлена без сложностей, и теперь его не волновали расчёты. Как дальше будут продаваться меха, его тоже совсем не тревожило. Он обеспечил отсутствие стражи, теперь он должен получить свои деньги.

Гуанчжоу лежал в нескольких ли в стороне, а здесь не было даже поселений. Место встречи выбирали очень долго, требовалось, чтобы и Хэшень мог здесь обеспечить безопасность, и люди Белого Лотоса были в силах осуществить разгрузку бригантину и вывести товар в обход цинских таможен. Корабль для такой тайной миссии русским пришлось купить у голландцев, причём притворяясь французами, а экипаж нанимать из отпетых негодяев по всей Европы – всё это делалось, чтобы ни при каких обстоятельствах нельзя было обвинить русских в этой афере. Основная разгрузка шла в море, меха перегружали на рыбацкие лодки, и вот они уже шли к берегу.

Теперь разгрузка завершилась, и Хэшень был уверен, что получит свои деньги. Суммы, которые он выгадает от контрабанды, сделают его одним очень состоятельным человеком в Империи Цин и сильно расширят его карьерные возможности. Строганов облегчённо вздохнул – Хэшень убил бы его без малейших сомнений при возникновении опасности. Теперь же он спасён.

Китаец, кланяясь, отвёл секретаря в туман, откуда тот вскоре возвратился с бочонком в руках. Хэшень бросился к нему, впервые показав свой темперамент. Вырвал у китайца его

---

⁴⁹ Хэшень Ньюху (1750–1799) – маньчжурский государственный деятель.

ношу, выдернул крышку и, с торжествующим оскалом на лице, принялся окунать ладони в серебряные монеты.

В этом году должны были состояться ещё два таких рейса, и Александр надеялся, что цинский чиновник больше не станет их встречать, довольствуясь деньгами. Но он ошибался...

***

– Что скажешь, Джон, как тебе Кейптаун⁵⁰? – молодой, но уже лысеющий тощий коротышка с непомерно длинными руками, заискивающее заглянул в глаза Ивайло.

– Местные называют его Капстад, Барти! – улыбнулся тот в ответ, – Нормальная дыра. Кабаки есть, что ещё надо...

– Ты не будешь убегать, как на Тенерифе⁵¹? – приятели шли в очередное питейное заведение. Первое было ничего, но душа засидевшихся на корабле моряков требовала ещё.

– Барти, я хочу домой, а не умереть! Если бы ты меня в тот раз не остановил... Ладно, к чертям эти воспоминания! Бежать надо только тогда, когда есть уверенность в успехе, а здесь... Как я отсюда попаду к Райне? Да и капитан Кук⁵² найдёт меня, он неплохой командир, но дезертиров не прощает... Нет, Барти, не сейчас.

– Хорошо, Джонни! Я рад, что мне не надо за тобой следовать.

– Барти, это мне приходится о тебе всё время заботиться!

– Джонни, я помню, что ты мне постоянно спасаешь жизнь! Ну, я такой, что же мне делать? – молодой валлиец грустно понурил голову. Он действительно постоянно попадал в истории, чреватые для его жизни и целостности организма. Ивайло уже четыре раза его спасал. Начиная с того, что он поймал помощника корабельного плотника, когда его смыла волна ещё на пути к Канарам. И заканчивая тем, что уже здесь, в голландском Капстаде, он сломал челюсть какому-то местному, который пытался ткнуть его приятеля ножом.

– Спокойно, Барти! Ты добрый парень, и я тебя в обиду не дам, братишка! – болгарин ласково потрепал дружка по голове.

– Спасибо тебе, Джонни! Как ты думаешь, долго мы здесь простои́м?

– Ты же сам говоришь: у нас на «Резолюшене» обшивка в жутком состоянии, а что там с «Дискавери» так вообще неизвестно, значит, ещё месяц-полтора мы здесь. Успе́ем выучить в этом Капстаде все тропки, братец.

– Джонни, а может, всё-таки зайдём к мамаше Катарине? Все говорят, что у неё отличные девочки, а?

– Барти! Это твои деньги и твои желания! Я могу проводить тебя, чтобы никто не обидел, но в бордель я не пойду – я женатый человек и верю в Бога. Я не хочу, чтобы Господь тоже стал против моего возвращения к жене и детям! Да и свои деньги, что мы не пропьём, я лучше сохранию...

***

– Вот, Григорий Александрович! Пришёл с заявкой!

– Ну, от тебя Смолянин, каждый день чего-то нового ждать приходится! Никак ты не угомонишься? – засмеялся Потёмкин, встал из-за стола и потянулся, разминая спину, – Ты, Степан, что хочешь, аки Демидовы на Урале, все богатства рудные под себя забрать?

– Что же я, Григорий Александрович, меры не знаю! – обиделся бывший прапорщик, – Чай я для государства стараюсь, а коли это и мне доход приносит, разве то грех?

– Да не сердись ты, Степан Еремеич! Знаешь же, что шучу! Ты же у меня в наместничестве лучших рудознатцев содержишь! Тебя уже и императрица, и наследник знают! И орден тебе хлопочу. Один из важнейших людей ты здесь, куда мы без тебя!

---

⁵⁰ Кейптаун – город в Южной Африке, недалеко от мыса Доброй Надежды.

⁵¹ Тенерифе – самый крупный остров в Канарском архипелаге.

⁵² Кук Джеймс (1728–1779) – знаменитый английский мореплаватель.

От такой лесты Смолянин просто растаял, заулыбался и уже безо всяких церемоний достал из сумки, что была у него с собой, огромный белый камень и положил его на стол перед Потёмкиным:

– Нашли тут мои рудознатцы такое, глянь-ка!

– Что глянуть? Камень белый?

– Ох, батюшка-наместник, ничего ты в рудном деле не понимаешь!

– Зато ты, Степан Еремеич, знаток минералов великий! Не томи, что ты мне привёз?

– Хе-хе! Сие есть белая глина, что государь-наследник повелел везде искать для дела порцелинового⁵³!

– Ага! А далеко ли нашёл ты такое счастье?

– На реке Кальчик⁵⁴, Григорий Александрович! Недалече! – засмеялся рудозаводчик, – Ну что, будем договор на добычу подписывать-то?

– Подожди ты с бумагами! О чём ты? Буду Императорский приказ просить: мануфактуру порцелиновую ставить надо! А ты не бойся, Степан Еремеич, тебя не обидим! Такую радость принёс! – Потёмкин выскочил из-за стола и обнял гостя.

– Ты уж не забудь, господин наместник! Я ещё чего тебе хорошего принесу! – добродушно бубнил бывший прапорщик, млея от оказанного внимания.

***

Маме уже совсем тягостно было в Петербурге: Потёмкин далеко на юге, дочки болеют – всё-таки здешний климат только для местных, а её поздние дети слабы здоровьем. Маше хоть и было получше, чем в прошлом году, но осенью снова начались болезни, да и младшая Аннушка тоже захандрила, и доктора только пожимали плечами – солнца нет, дожди...

Екатерина Алексеевна ходила за мной буквально по пятам и постоянно спрашивала: «Когда же?» В таких условиях дальше откладывать мамино отречение на «следующий день» было бессмысленно, и как бы мне ни хотелось подольше пребывать в тени императрицы, пришлось назначить день и планировать церемонию.

Впервые в истории России правящий монарх самостоятельно передавал корону наследнику. Причём первым из всех Романовых за власть мне не надо было бороться – все признавали моё право на престол. Всё это требовало изменения порядка коронации, да и добиваться признания Европы мне не было нужно – всё одно больше, чем уже достигнуто, мне не получить.

Я решил, и мои сановники меня поддержали, что не стоит нам тянуться к европейским обычаям – пусть уж лучше мы будем для них блоковскими скифами⁵⁵, чем обезьянами, одетыми в европейское платье. Сколько я помнил, цивилизованные европейцы больше уважали и боялись китайцев и японцев, чем русских, считая их страшными и опасными дикарями, а нас чем-то вроде домашних животных, которые то и дело пытаются выйти из-под их опеки. Ведь мы так стремились на них походить... Пусть уж лучше нас бояться.

Все коронационные торжества должны будут пройти в Москве. Церемония больше тяготеет к восточно-римским традициям, чем к европейским. Пусть от титула императора я отказываться не собирался – уж коли столько лет за него бились, но и предавать ему какое-то особенное значение смысла уже не было. Императорская корона в церковном обряде заменялась на традиционную шапку Мономаха. Однако добавлялся тожественный выход, где корона уже должна была играть большую роль.

Послы европейских держав, в первую очередь, и наши неправославные подданные, во вторую, – все те, кто не будет присутствовать на венчании в Успенском соборе Московского

---

⁵³ Порцелинового – фарфорового (уст.)

⁵⁴ Кальчик (также Калка) – река в Донецкой области, приток реки Кальмиус.

⁵⁵ «Скифы» – знаменитое стихотворение А.А. Блока.

Кремля, должны будут увидеть блеск и богатство России. Следовало убедить их в прочности государства нашего и отвратить от попыток напасть на него.

В опасности подобного их полагалось утвердить и войскам нашим, которые будут стоять на улицах Москвы во время торжеств и проведут несколько манёвров в её окрестностях для усиления эффекта.

Всё происходящее заставило меня другими глазами взглянуть на нашу столицу. Санкт-Петербург, конечно, управлялся неплохо: на улицах был порядок, в городе была пожарная и полицейская команды, посты наблюдения за водой, в богатых кварталах были водопровод и клоака, даже освещение на адмиралтейской стороне было.

Чичерин после Панинского мятежа, когда он просто спрятался и появился на публике только после того, как порядок, в общем, был наведён, и никаких сомнений в победителе уже не было, просто землю рыл, организуя городское устройство. Однако инициатива к изменениям исходила от меня лично, и все улучшения делались за казённый счёт. Городские жители как бы от процесса отстранились.

Перед моими глазами был пример Москвы, Архангельска, а с недавних пор ещё и Твери, где горожане активно устраивали общества по улучшению жизни, строительству храмов, школ, устройению водоснабжения и освещения. А столица, считаясь передовым городом, обладая множеством богатых и очень богатых людей, привыкла жить за счёт империи и императора. Мол, нам всё и так организуют, и оплатят, зачем суетиться.

А бюджет же он конечен – денег на всё элементарно не хватит. У меня в Петербурге даже собственный дом – Зимний дворец стремительно ветшал и требовал переустройства. Я им, конечно, толком не пользовался, предпочитая Петергоф, но представительские функции исполнять же надо. На коронацию должны явиться посланники европейских держав, причём большинство морем через порт Петербурга, а где им остановиться, коли почти все дворцы уже заняты приказами и корпусами?

Требовалось хоть как-то отремонтировать Зимний, а здесь и на улицах столицы не всё хорошо. А ежели заметят такое зарубежные гости, подумают, что у нас сложности с финансами и решат напасть? Я попросил Чичерина⁵⁶ организовать жителей по примеру других городов и установить освещение за пределами центральных кварталов, ну и подумать насчёт новых гимназий и училищ. Так он сначала принёс мне проект и попросил денег на всё это, а потом, после уточнения указаний, попытался принудить богатейших купцов это оплатить.

Те взвыли и принесли жаловаться. М-да, Чичерин прекрасный служака, исполнительный, в меру инициативный, но всё-таки служака. Не подходит он для такого дела, здесь политик нужен...

Да и жалобы купцов, повалившие напрямую в мою канцелярию в огромных количествах, начали создавать трудности для делопроизводства – много их становится, почувствовали пояса свои возможности. Надо как-то эту проблему также будет решить...

***

– Андрей Петрович, я пригласил Вас к себе, чтобы предложить должность, которую я считаю для Вас наиболее подходящей. – я был предельно чётко и лаконичен. Мне не очень нравился этот младший Шувалов⁵⁷, слишком уж он был себе на уме, да и его попытки всегда усесться на все стулья раздражали. Но здесь, вполне возможно, эти его свойства будут очень к месту.

– Ваше Высочество! Я давно жду назначения! Мне кажется, что управление Вашими личными финансами... – он прямо-таки замурлыкал в предвкушении.

---

⁵⁶ Чичерин Николай Иванович (1724–1782) – русский военный и администратор.

⁵⁷ Шувалов Андрей Петрович (1743–1789) – русский государственный деятель, финансист и писатель, граф.

– Отнюдь, Андрей Петрович! – я остановил его довольно резко, при этом пристально глядя ему в глаза. – Управление финансами никак не может быть Вашим основным занятием, ибо устремления Ваши слишком пересекаются с деятельностью папеньки Вашего⁵⁸, чьё имя упоминается обществом, исключительно в качестве примера казнокрада! Пусть его заслуги и простираются значительно дальше и мною вполне уважаются. Однако не сто́ит давать подданным даже намёка на приемлемость для государства подобного греха!

– А что же... – Шувалов поник, явственно видя в своём воображении отправку на службу куда-нибудь в Кяхту⁵⁹.

– Не переживайте! – ободряюще улыбнулся я ему, – Вы не отправитесь торговать тюленьим жиром с туземцами Чукотки или Аляски. Хотя, если в Вас преобладают инстинкты Вашего батюшки, в будущем всё возможно!

– Тогда что же Ваше Высочество от меня желает? – его разрывали любопытство и страх. Глаза его блестели, а нос даже чуть-чуть заострился.

– Губернатор Санкт-Петербурга. Именно этот пост я хочу Вам предложить.

– Но, я же никогда... Да и Чичерин...

– Николаю Ивановичу будет дан пост заместителя главы Земельного приказа – главного полицмейстера империи. Его опыт требуется всему государству нашему. А Вы... У Вас, Андрей Петрович, есть талант дипломатический, да и кругозор Ваш широк и разнообразен...

***

Коронация. Вот слово сложное. С одной стороны, это пик желаний и стремлений большинства монархов мира. Всё, достигнута заветная цель – ты помазанник божий, господин народа и государства, никто уже ничего тебе не может запретить или приказать, наоборот, ты в силах любого к чему угодно принудить. Власть в твоих руках. Все заслуги твои.

А с другой стороны, теперь именно ты отвечаешь за всё! За всё! Ни на кого уже не свалишь ответственность. Нет, свалить-то можно, но отвечаешь всё одно ты. Народ никаких отговорок не примет. Васька ли напился и в канаву упал – царь виноват! Чума ли пришла – государь не следит! Война ли с супостатом проиграна – опять же императора вина.

Только самодержец между народом и Богом стоит. Нет, патриарх, он, конечно, тоже есть, но именно государя венчали на царство. Значит, ему и отвечать за всех своих подданных. А ежели царь не понимает этой ответственности, то и не царь он вовсе, а так самозванец...

Вот какие мысли в голове крутятся. У меня коронация, Успенский собор народом полон. Вокруг люди суеются, патриарх молитвы читает, руки на меня возлагает, мама со слезами мне на голову шапку Мономаха⁶⁰ одевает, патриарх вкладывает мне в руки скипетр и державу, облачает меня в порфиру, народ в соборе крестится, я, как полагается, встаю на колени, выпрямляюсь, опять на колени, а в голове всё колёсики вращаются. Не слышу ничего, не понимаю даже толком происходящего, как во сне. И здесь как гром среди ясного неба: «Многие лета!».

В голове прямо что-то щёлкнуло, и я отбросил свои раздумья. С нежностью отдал маме символы власти, чтобы освободить руки, встал на колени и начал искренне молиться: «Да будет со мною приседая престолу Твоему премудрость. Посли ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима и что есть право в заповедях Твоих!.. Буди сердце мое в руку Твоею, еже вся устроити к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово...».

На торжественном выходе было уже проще: я пришёл в себя и воспринимал происходящее как часть представления, которое я разыгрываю для публики, которую мне необходимо

---

⁵⁸ Шувалов Пётр Иванович (1711–1762) – русский государственный деятель, глава русского правительства в 1749–1762 гг. Автор ряда полезных для государства реформ, принёсших ему однако огромное состояние, граф.

⁵⁹ Кяхта – город в Бурятии, тогда центр торговли с Китаем.

⁶⁰ Шапка Мономаха – главная царская шапка Рюриковичей и первых Романовых, при Петре заменена Большой Царской короной.

очаровать. Зимний дворец Елизаветы Петровны был прекрасно отремонтирован и как никакой другой в России подходил для вычурной церемонии Торжественного Императорского Выхода и Первого приёма. Пусть и небольшой, но сияющий золотом, насыщенный дорогими скульптурами и картинами, основная часть которых была перевезена из Петербурга.

Устроением торжеств заведовал ещё не старый Иван Иванович Шувалов⁶¹, бывшей фаворит тётушки Елизаветы, возвращённый мною из забвения. После резкого уменьшения финансирования его любимого детища – академии художеств, и закрытия Московского университета, он совсем поник и скрылся в поместье, ощущая недоверие императрицы. Не могу сказать, что его начинания были плохи, скорее несвоевременны и носили характер показушных и чрезвычайно затратных. Но вот в настоящий момент именно такой человек и был мне нужен.

Он взялся за дело с таким жаром, что всем стало очевидно – выбор сделан верно, только он может за короткие сроки и с незначительным финансированием проверить столь сложное дело. Картины, скульптуры, драгоценности – всё стаскивалось со всей страны в Москву. В качестве мест размещения гостей пригодились корпуса, отделка которых была завершена в пожарном порядке. Стройки закрывались крашеной парусиной, наводился парадный блеск.

Город выглядел грандиозно – видно было, что имеющаяся красота вскоре потеряется перед сиянием будущего. А пока цветная парусина замечательно смотрелась на фоне белого-белого снега, в народ металы золотые, пушки непрерывно палили, колокола звонили, а я посреди всего этого изобилия сиял как новогодняя ёлка – корона, порфира, скипетр, держава усыпаны драгоценностями. Пусть чуть ли не половина из них были стекляшками, огранёнными на моей мануфактуре – Цильх, когда понял, что от него хотят, подпрыгнул, понимая уровень доверия к себе, но даже старый Позье⁶² не смог разглядеть их среди настоящих бриллиантов, рубинов и прочее.

Откровенно говоря, было сложно. Я мужчина не слабый, но полдня таскать такую тяжесть одежд и украшений на себе было сложно, особенно болела шея – императорская корона аки звезда слепила моих поданных и гостей империи. Мне приходилось принимать поздравления от посланников европейских монархов, среди которых выделялись принц Генрих Прусский⁶³ и граф Луи Прованский⁶⁴, и уверения в преданности от своих подданных.

Вейсман, сияя как начищенный пятак, командовал солдатами, одетыми в яркие мундиры русского кроя и вооружённые новыми ружьями. Они, как балерины, невероятно красиво перестраивались на маршах и манёврах, как статуи стояли в карауле. Кавалеристы гарцевали, демонстрируя высочайшую выучку. Артиллеристы стреляли с какой-то невозможной скоростью. Пусть, особенно среди конников, чуть ли не на треть составляли новики Петербургских императорских корпусов, но кто об этом мог узнать, кроме пруссаков?

Фон Цитен⁶⁵ по-прежнему оставался директором Кавалерийского корпуса, и скрыть от него такое было невозможно. Но я пока надеялся на молчание старого Фрица – продемонстрировать нашу даже небольшую слабость миру для него сейчас было нежелательно, он лелеял планы в Германии, и поугатать нашим возможным союзом своих противников ему было очень неплохо. А сам он понимал, что основные наши войска остались вблизи границ, а для, по сути, вспомогательных частей такой уровень умения был весьма неплох.

---

⁶¹ Шувалов Иван Иванович (1727–1797) – русский государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, двоюродный брат графа Петра Ивановича.

⁶² Позье Жереми (1716–1779) – русский придворный ювелир франко-швейцарского происхождения.

⁶³ Фридрих Генрих Людвиг Прусский (1726–1802) – младший брат Фридриха Великого, выдающийся прусский полководец.

⁶⁴ Луи-Станислас-Клавье, граф Прованский, в дальнейшем король Франции Людовик XVIII (1755–1824) – младший брат короля Людовика XVI.

⁶⁵ Фон Цитен Ганс Иоахим (1699–1786) – знаменитый прусский генерал.

В суете вокруг коронации, многочисленных приёмов и балов я всё отчётливее понимал, что нам не хватает демонстративной мощи. Что могли увидеть европейские послы в нынешнем Петербурге, между прочим – столицы России? Скромные дома, государственные учреждения, учебные заведения, растущий порт – и всё. Где блестящие дворцы – признак богатства и силы государства? Где украшения, променады? Где, наконец, слепящий блек, подобный парижскому, лондонскому, венскому?

Без этих признаков величия государства они видели только скромность и занятость России внутренними делами. А надо пугать силой и мощью, чтобы они сто раз подумали, прежде чем решаться напасть. Однако вложения в такую демонстрацию были бы очень внушительными, а мне не хотелось рассеиваться, по крайней мере, пока.

В качестве такой витрины тщеславия уже сейчас годилась Москва, вскоре подтянется Архангельск – один из основных наших портов, а вот с Петербургом ждём, что сможет сделать Шувалов-младший.

Глава 4

– Алексей! Алёша! – голос, раздавшийся над ухом, слегка напугал Лобова. Молодой человек был погружён в расчёты, внимательно рассматривая своды старинной церкви Троицы в Фолкирке⁶⁶, где он изучал методы английской металлургии под руководством Чарльза Гаскойна.

– Сидоров! Ерёма! Чёрт тебя побери!

– Что это ты, Алёша, нечистого поминаешь? – широко улыбался ему приятель.

– Да, с кем поведёшься, Ерёма! Шотландия...

– Ха-ха-ха! Да ты, дружок, совсем здесь одичал.

– Ты же меня, Ерёма, в церкви подкараулил не затем, чтобы рассказать, что я одичал? И как ты меня здесь нашёл-то?

– Как нашёл? Тоже мне задачка! Ружичка в доме Гаскойна спросил, мол, тебе письмо. А ты, поди, здесь молишься? Совсем местным стал?! – Зубоскалил Сидоров.

– Да поди ты! Красиво здесь! Триста лет назад в этакой глуши построили такую церковь! Представляешь, Ерёма? Отстали мы от них...

– И что?

– Да, ничего! Надо скорее догонять.

– О! Так я по этому поводу сюда и приехал! По тебе, конечно, тоже заскучал, но и дело надо знать! Здесь тихо посидеть можно где?

– Вряд ли. Город маленький, а я в доме Гаскойна живу...

– Жаль... Ладно, в Лондоне тебя навещу, братец! Ты лучше расскажи, что у тебя за проблемы с Уокером и Гентсманом возникли.

Алексей в трёх словах объяснил загвоздку. Сидоров задумался:

– Значит, говоришь, Уокер секрет у Гентсмана выкрал?

– Говорят. Там такие сказки рассказывают, что он под видом нищего проник на завод, якобы погреться у печи, и весь процесс изучил. Но я не верю в эдакое! Здесь же столько нюансов! Думаю, что подкупил Уокер кого из мастеров, но Гентсманы до сих пор в ярости. – с улыбкой произнёс Лобов.

– Ладно, Алёша, тогда позволь откланяться. Задачу я понял. Ещё свидимся! Знаю, брат точно! – улыбнулся и растворился в полумраке храма.

Лобов покачал головой и подумал:

– Хороший человек Ерёма, да и слово своё держит твёрдо!

***

Андрей Разумовский прибыл на коронацию с супругой. С него уже было снято за заслуги его наказание, и он был официально приглашён на торжество. Его молодая супруга Даша произвела форменный фурор – невероятно красивая и грациозная дама немедленно подняла на дыбы всю свободную от брачных уз часть мужского общества империи, да и иных женатых она тоже весьма отвлекла от собственных вторых половин.

Жёны начинали тихо ненавидеть горную красавицу, но она вела себя в полном соответствии со своим семейным статусом, от мужа ни на шаг не отходила, во всём его поддерживала, при этом легко и непринуждённо демонстрировала ум, образованность и острый язычок.

Дарья была настолько великолепна, что её уже начали поминать в проповедях, как пример истинно православного поведения, пока ещё только московские попы, но явно слава её разбежится по империи очень быстро. Появление Разумовской в обществе вызвало невероят-

---

⁶⁶ Церковь Фолкирк Олд в Фолкирке, Шотландия. Основана в VII в., построена в XV в., многократно перестраивалась в XVIII–XIX вв.

ный интерес молодёжи к черкешенкам, что вскоре стимулировало ещё большее смешение влиятельных кабардинских родов с русскими.

Но сейчас меня привлекала не столько прекрасная графиня Разумовская, сколько её подруга и верная спутница.

– Андрей, а кто эта дама, что повсюду следует за твоей Дашей?

– У. Павел Петрович! Гляжу, ты на нашу Катеньку глаз положил! Нечто тебе твои люди не донесли!

– Не зубоскаль! Опять сошлю! – засмеялся я, – Столько народу, что всех не представили. Где ты её скрывал три дня-то?

– Так сейчас же бал! Сюда можно больше народу пригласить, чем на приём, вот я и...

– Так что – служанка, что ли?

– Упаси Господи, Павел Петрович! То подруга Дахе, что она вечно с собой таскает – Катя, невестка жены Саши Кривоноса. Её по-настоящему Като зовут. Сначала Даша хотела просить Катеньку с нашим Гришей оставить – маленький он совсем, пригляд нужен, но выяснилось, что у Кривоноса молодая жена непрадна, и доктор Смоленцев запретил ей путешествовать. Так что, Александр с супругой на хозяйстве остались, а Катенька с нами поехала! Она же в России только Кизляр с Моздоком видела и всё! – очень смущённо забормотал Разумовский.

– Кривонос женился? – улыбнулся я.

– Да, женился! Князь Леван Чичуа из Мингрелии⁶⁷ к нам выехал и племянницу Нану с собой взял, а та уж Като прихватила – одна та осталась совсем. Саша их в Моздоке встретил, вот и завертелось. Любовь! Через неделю уже под венцом стояли!

– За Кривоноса я, конечно, рад! А муж Катин?

– А! Что-то я Павел Петрович, сразу не сказал – да вдова она, вдова! Георгий её ещё три года назад погиб. Он из обедневших Чичуа был, Като совсем без него пропала бы, но Нана её любит и не бросила одну. Катя она хорошая, добрая. Даша, вот, моя тоже её как родную приняла. А что, Твоё Величество, понравилась она тебе?

– Есть такое дело! Но кому расскажешь... – в шутку пригрозил я ему.

– Что ты, Павел! Никому!

– Познакомь с девушкой, болтун!

Вдова для меня лучший вариант – общество не осудит, да и церковь не станет сильно протестовать. Вот что за мысли в голове крутятся? Чай уже не юнец! Но девушка и вправду – красивая. Волосы с рыжинкой, глаза серые, стройная, лёгкая...

***

Мы гуляли с Катей по Крутицкому вертограду⁶⁸. Парк действительно был очень хорош хоть и похуже, на мой пристрастный взгляд, чем Петергофский, но весьма интересный. Московская зима с обилием снега превратила его в сказочное место, казалось, что сейчас из-за дерева выйдет Дед Мороз или на крайний случай леший. Расчищенные городскими властями аллеи обрамлялись заснеженными деревьями, воздух был настолько свеж и ароматен, что, казалось, сейчас захрустит на зубах, словно крепкое яблоко.

Уже темнело, но в вертограде давно были установлены масляные фонари для спокойного гуляния горожан. На время коронации парк закрылся для простого люда, и здесь могли развлекаться только сановные гости, а сегодня прохаживался я. Катя была прекрасной собеседницей, и пусть русский язык не входил пока в круг её знаний, но мы вполне спокойно говорили на греческом.

---

⁶⁷ Мингрелия – независимое княжество в Западной Грузии.

⁶⁸ Вертоград – сад (уст.)

Девушка замечательно изучила восточную поэзию, легко и свободно переводила стихи великих Фирдоуси⁶⁹ и Руми⁷⁰ на греческий, а уж «Витязь в тигровой шкуре⁷¹» она просто боготворила и, казалось, могла говорить о нём непрерывно. Пусть её образование имело мало общего с традиционным европейским, но её покойный отец – небогатый азнавур⁷², вложил в единственную дочь всю свою душу и средства, и сделал Катю истинным сокровищем.

При всём восточном стиле обучения, Катя даже не думала вести разговор с мужчиной, причём коронованным, с позиции служанки. Беседа наша шла живо, очень быстро мы начали подшучивать друг над другом. Я не чувствовал, что меня отделяет от девушки какая-то граница положения, и это было очень приятно.

Мы даже поиграли в снежки, Катя совершенно не знала этой забавы и была просто восхищена ею. Когда она вытянула руку из варежки и вытаскивала из своих растрепавшихся волос снег, я тихонько прикоснулся к её тонким длинным пальцам.

– Зачем Вы это, Ваше Величество? – испуганно отдернула она руку. Порозовела, отскочила, словно молодая лань.

Я слегка оробел:

– Вам это было неприятно, Катя? Прошу меня извинить! Если Вы того пожелаете, больше я не стану Вас беспокоить. Простите!

Она ещё сильнее порозовела:

– Нет, напротив, мне приятно Ваше внимание! Но...

– Так что же мне делать, Катенька?

Слёзы посыпались у неё из глаз. Я подошёл к девушке и, скинув на снег варежки, начал вытирать влагу с её щёчек. Она прижалась ко мне, всхлипывая, я гладил её по голове. Слова были не нужны.

Катя была прекрасным выбором, который одобрили и моя мама, и доктор Ротов, что уже официально отвечал за женское здоровье в императорской семье, а заодно был и главным бабичевым доктором⁷³ Империи. Девушка сама открыла мне свою грустную тайну, а Ротов только её авторитетно подтвердил: моя возлюбленная была бесплодна. У неё случился выкидыш при известии о смерти мужа, и теперь забеременеть ей была более не судьба.

Что же, это ещё больше упрощало дело – мне уже не требовалось соблюдать график постельных утех и бояться, что снова может объявиться незаконнорождённый ребёнок. Катенька была великолепной возлюбленной: умной, тихой, нежной и, что было очень важно, нетребовательной к материальным благам.

В отличие от Стаси, она не просила дать должности и поместья родственникам и знакомым, не лезла в придворные интриги и заговоры, как Прасковья. Катя просто любила меня и старалась обеспечить мне покой и тепло, и это было пределом того, о чём я мог её просить. Она уже смирилась с тем, что никакой будущей семьи у неё больше не будет: неродовитая бесприданница, вдова нищего потомка младшей ветви не особо влиятельного рода, беглянка в чужую страну, даже язык которой ей незнаком.

Като решила посвятить жизнь детям своей свояченицы, может даже уйти в монастырь, а тут... Любила ли она меня? Похоже, очень похоже, я в этом даже не сомневался. А вот, любил ли я её? Наверное, нет. Мне она нравилась, мне было с ней хорошо, но любовь – это всё-таки нечто большее...

---

⁶⁹ Хаким Абулькасим Фирдоуси Туси (935–1020) – великий персидский поэт, автор поэмы Шахнаме.

⁷⁰ Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми (1207–1273) – персидский поэт.

⁷¹ «Витязь в тигровой шкуре» – эпическая поэма XII в. великого грузинского поэта Шота Руставели.

⁷² Азнавур (азнаури) – дворянин (груз.)

⁷³ Гинеколог (уст.)

Я, конечно, признал её дядю князем, даровал ему небольшое поместье, даже позволил стать офицером, что уже было редким явлением в России – иностранцев принимали в нашу армию только в виде исключения и именованным указом Императора. Но на этом блага для её семьи закончились – Кривонос и сам прекрасно справлялся с ролью отца семейства.

***

– Значит, Чарли, ты разорён? – Алексей отпил из бокала неплохого портвейна.

– Алексис! Друг мой! Я очень-очень близок к этому! Без заказов флота мне никак не выжить, а моих средств не хватает, чтобы удовлетворить аппетиты чёртовых придворных! Мои благодетели тоже уже не могут кормить всех этих мерзавцев при этом чёртовом Норте! Слишком уж много ртов сейчас требуется насытить! Эти чёртовы луддиты нанесли большой ущерб чересчур многим, и теперь все они встали в очередь за заказами казны. – его собутыльник и друг Чарльз Гаскойн, находившийся уже в изрядном опьянении, со злостью залпом выпил седьмой стакан портвейна и, как и шесть предыдущих опустевших сосудов, швырнул его в стену клуба. Слуга тут же принёс ему новый дорогой бокал работы русских мастеров.

– Чарли! Я могу тебе чем-либо помочь? – тон Лобова, как и его намерения, были искренними, – Гаскойн, на заводе которого он провёл почти полгода, давно стал его другом.

– Чёрт! Алексис, деньги твоей императрицы не могут вытащить меня из этой ямы! Если только она сама начнёт заказывать мои пушки! – Гаскойн горько засмеялся, снова опустошил стакан и немедленно разбил его.

– Нет, Чарли, моя империя не будет заказывать пушки на стороне. У нас много своих заводов. Только покупка идей, да обучение. Я могу лишь порекомендовать направить к тебе ещё трёх молодых студентов. Надо? – Алексей пристально заглянул в глаза друга и приобнял его за плечи.

– Нет, Алексис. Это меня уже не спасёт! А что ты сам? – Гаскойн всё пил и не пьянел.

– Должен отбыть на родину по весне, как только откроется навигация в Финском заливе. Пока вот, составляю проекты да пишу отчёты об обучении, в том числе у тебя, Чарли...

– Господи! Ещё останусь здесь один! – Гаскойн почти завыл и обнял голову руками.

– Брось, Чарли! Всё у тебя получится. Хотя... Ты не думал о том, чтобы перебраться за море? Ты же знаешь, что у меня хорошие отношения с наследником престола? Я могу предложить тебя ему в качестве прекрасного специалиста по литью пушек и металлургии вообще! – Алексей произнёс это медленно, отпивая из своего бокала.

– Я? В твою дикую страну? А, извини, Алексис! Но, всё-таки бросить всё?! – яростно выкрикнул Чарльз.

– Стал бы я звать тебя в дикую страну, Чарли! Россия сейчас отличное место для больших дел! Мой будущий император очень неглупый человек, который знает что хочет. Поверь мне, наше царство интересно для строительства будущего, тем более что здесь тебе делать уже нечего. Да и что я тебя уговариваю? Ты же шотландец! Спроси у адмирала Грейга – он тоже стоит очень близко к наследнику, пусть тебе расскажет о возможностях, которые открываются в России.

– Грейг? Из Макгрегоров⁷⁴? Ладно, наведу справки. Ещё по стаканчику, Алексис?

***

Коронационные торжества прошли. Больше месяца я провёл в Москве, хотя своих сановников в основном сразу после церемонии отправились в столицу – им работать надо. А я работал здесь. Много работал. Такое количество сановников разных стран в одном месте – и всех надо забалтывать.

Мы и не мечтали увидеть у себя столь значительное представительство европейских дипломатов. Я изначально надеялся встретить исключительно гостей из Пруссии, как наиболее

---

⁷⁴ Макгрегоры или Грегори – один из влиятельнейших кланов горной Шотландии.

близкой нам державы, ну и, может быть, Швеции, где правил мой двоюродный дядя, а остальные государства, как я думал, будут представлены послами.

Однако Людовик Французский решил продемонстрировать свои дружеские намерения и направил на мою коронацию младшего брата – графа Луи Станисласа Ксавье Прованского⁷⁵, после чего представительство европейских дворов резко усилилось. Даже англичане и голландцы прислали специальных посланников. Британцы даже направили к нам бывшего первого министра герцога Графтона⁷⁶, который активно попытался улучшить наши отношения.

Вообще, это было редкое явление в европейской политике – такое солидное представительство. Подобное собрание напоминало соревнование между мировыми державами – все желали привлечь на свою сторону нового игрока, пусть и не самого влиятельного. Вся эта возня – верный признак нарастающей напряжённости на континенте и грядущих больших войн и изменений.

Более всех меня измотал Принц Генрих Прусский, он непрерывно пытался вытянуть обещания дружбы и союза против Австрии, ну и свою ненаглядную Королевскую Пруссию. Однако мне с помощью Обрескова и Пономарёва, которые отлично его изучили, удалось отбиться от прусских пожеланий без ухудшения отношений.

Посланника же австрийского императора Тугута⁷⁷, вообще получилось завербовать. К нему давно подкатывал Маврокордат: австриец был весьма привержен страсти к золотому тельцу, но был лично верен Марии-Терезии. А вот в Москве посланник допустил ошибку, которая уже лишила его шансов уклониться.

Сначала мы ему донесли, что у французской делегации находятся его расписки в получении средств за шпионаж в их пользу в молодые годы. Затем срежиссировали его ссору с одним из секретарей графа Прованского, который якобы собирался продать ему его бумаги, и, в конце концов, симитировали убийство этого самого французика. Здесь уж Тугуту деться стало некуда.

Если бы наша операция не удалась, то следы бы привели к камердинеру прусского принца Генриха, и русских ушей в этом деле никто бы не нашёл, и всё произошедшее только бы укрепило Империю в убеждении относительно природной злобности своего соседа. Теперь же любимец Марии-Терезии перебивал в уверенности, что мы спасли его, решив его проблемы, и готов был сотрудничать с нами.

С помощью Тугута нам удалось ещё более расстроить отношения между Австрией и Пруссией – подсунав ему документы, между прочим, подлинные, пусть и слегка подправленные, в которых очень острый на язык король Фридрих называл эрцгерцогиню Марию-Терезию и её сына императора Иосифа всякими резкими и даже грубыми эпитетами. Самым приличным из употреблённых им выражений было то, что император до сих пор сосёт мамину грудь.

Тугут потом изыал оригинал, чтобы наши небольшие подчистки, которые сдвигали столь резкие слова дядюшки Фрица, из далёкого прошлого в современность не были замечены. После таких оскорблений, уже ни о каких договорённостях между Пруссией и Австрией и речи не шло. Рассказывали, что сам Иосиф, узнав о подробностях сочинения дядюшки Фрица, орал и ругался. Причём шум был такой, что его мать даже сделала ему замечание, а это было весьма удивительно. А для самбй Марии-Терезии имя Фридрих с тех пор стало ругательством.

А молодой граф Прованский – младший брат короля Людовика послужил исключительно символом растущих дружеских отношений между Россией и Францией, а точнее сказать между мной и французским монархом. Молодой человек со своим снобизмом, смешанным с желанием познакомиться с экзотикой России поближе, оказался в руках у Ивана Ивановича Шува-

---

⁷⁵ Людовик XVIII (1755–1824) – король Франции с 1814 г.

⁷⁶ Огастес Генри Фицрой третий герцог Графтон (1735–1811) – премьер-министр Великобритании в 1768–1770.

⁷⁷ Иоганн Амадеус Франц де Паула фон Тугут (1736–1818) – австрийский политический деятель, дипломат, барон.

лова, который просто очаровал его. Основным их занятием стали пиры и разгул, прерываемые охотой и музыкой.

Иногда я получал удовольствие от бесед с испанским посланником, маркизом Гримальди⁷⁸, и английским – герцогом Графтоном. Первый был чрезвычайно образованным человеком, а второй действительно пытался улучшить англо-русские связи.

Значительного успеха нам удалось достичь в отношениях с Данией. Юлиана-Мария⁷⁹ направила к нам своего первого министра Ове Хёэх-Гульберга⁸⁰, а тот был сторонником дружбы между нашими странами, верно оценивая возможность будущего усиления Швеции. У нас было всего две серьёзные проблемы, мешающие нашему взаимопониманию: судьба Брауншвейгского семейства⁸¹ и Шлезвиг-Гольштейн⁸².

Первый вопрос был важен лично для подлинной правительницы Дании: Антон-Ульрих, принц Брауншвейг-Беверн-Люнебургский⁸³, отец несчастного российского императора Иоанна VI⁸⁴, был её родным братом. переворот, произведённый Елизаветой Петровной, заточил в темницу не только малолетнего царя, но и всю его семью. А мать Иоанна Антоновича, внучка брата Петра Великого Ивана V⁸⁵, Анна Леопольдовна⁸⁶, являвшаяся правительницей страны при малолетнем сыне, родила мужу пятерых детей.

Бывший генералиссимус был очень достойным человеком, жена его умерла родами, но он категорически отказывался вернуться в Данию без своих детей. Принц с семьёй проживал сейчас в Вологде, где все они чувствовали себя неплохо. Сам Антон-Ульрих преподавал в местной гимназии языки и науки, а дети вели свою жизнь: двое старших, имеющие серьёзные увечья с детства, давно ушли в монастырь, а младшие, пусть и получив вполне достойное образование, жили с отцом, формально охраняя его старость, а фактически находясь под жёстким контролем властей.

Они давно просили о смягчении своей участи и допуске к нормальной жизни, но мама решительно противилась такому, памятуя о переворотах, что непрерывно совершались в России почти полвека. Я-то уже склонялся даровать им такое право, но возможность выторговать за это что-то важное у Дании, заставляла временно отложить благодеяние.

А вот вопрос Шлезвиг-Гольштейна был более сложным. Мне, как наследному, после почившего папы, герцогу Гольштейн-Готторпскому и как герцогу Шлезвиг-Гольштейн-Зондербургскому, титул который я получил от молодого Фридриха Бекского в обмен на сохранения за ним должности и поместий его деда в Поволжье, принадлежала значительная часть Шлезвиг-Гольштейна, которую собственно Дания сейчас оккупировала и желала присоединить.

Не то чтобы мне очень необходимы были земли в Германии, и неминуемая война за право владения ими со всеми, без исключения, соседями мне точно не была нужна, но опять-таки это был неплохой предмет для торга. Просто так отдать всё Дании в обмен на дружбу, мне,

---

⁷⁸ Пабло Джеронимо Гримальди и Паллавичини (1710–1789) – крупный испанский политик и дипломат итальянского происхождения.

⁷⁹ Юлиана Мария Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1729–1796) – королева Дании, фактический регент королевства в 1772–1784.

⁸⁰ Ове Хёэх-Гульберг (1731–1808) – датский государственный деятель и дипломат.

⁸¹ Семья Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха Брауншвейгского.

⁸² Историческая область на севере Европы, спорная территория между Данией и Священной Римской империей.

⁸³ Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1714–1774) – отец русского императора Иоанна VI, брат знаменитого прусского полководца принца Фердинанда Брауншвейгского, племянник Фридриха Великого, генералиссимус русской армии.

⁸⁴ Иван VI (1740–1764) – император всероссийский в 1740–1741 гг., формально царствовал в младенчестве при регентстве сначала Бирона, а затем своей матери Анны Леопольдовны.

⁸⁵ Иван V (1666–1696) – русский царь с 1682 г., сын Алексея Михайловича, единокровный брат и соправитель Петра I, отец императрицы Анны Иоанновны.

⁸⁶ Анна Леопольдовна (Елизавета Катарина Кристина, принцесса Мекленбург-Шверинская) (1718–1746) – регент российской империи в 1740–1741 гг. при своём малолетнем сыне, внучка Ивана V по матери, племянница Анны Иоанновны.

казалось, очевидно глупым. Требовалось решать этот вопрос путём переговоров, и у Хёх-Гульберга соответствующие полномочия были.

Антон-Ульрих и его дети получали полную свободу, навечно отказываясь от каких-либо прав на российский престол, а земли Шлезвиг-Гольштейна переходили к датской короне на тридцать лет, в обмен на отмену Зундской пошлины⁸⁷ для русских купцов на тот же срок. Иначе развязать этот узел пока не получалось: ну не было у Дании ничего нам нужного, кроме прохода через Датские проливы из Балтики в Северное море, за который они брали немалые деньги. При этом именно Зундская пошлина была одним из важнейших источников дохода страны, и отменять её для нас навсегда датчане тоже совсем не горели, так что мы вопрос просто подвесили на будущее. Ну а Дания и Россия становились союзниками.

Наконец, торжества закончились, и я смог вернуться в столицу – к работе и делам.

***

– Джонни! Джонни! – Барти Вильямс ткнул в бок тяжело дышащего Ивайло, в изнеможении лежащего рядом со шлюпкой, в которую он только что погрузил десятигалонную⁸⁸ бочку с водой.

– Ох, Барти! Что ты хочешь от меня, дружище? Я невероятно устал, а мне ещё идти за новой бочкой! Чёртовы голландцы, не могли сделать на этой глупой земле Ван Димена⁸⁹ хоть какой-нибудь порт, чтобы не надо было тащиться за водой в такую даль! – едва прохрипел моряк.

– Джонни, я тоже очень устал! Мы полдня уже таскаем из леса дерево. Но, послушай, что я услышал!

– Что, Барти? – Ивайло с интересом посмотрел на приятеля, шепчущего с крайне возбуждённым видом.

– Ты знаешь, куда ведёт нас капитан Кук?

– Барти, конечно, мне ведомо, что мы плывём искать этот Северо-Западный проход, будь он неладен!

– Но это не всё! – от возбуждения Барти чуть не вскакивал.

– Не тяни!

– Мы должны исследовать такое место – Камчатка! Я случайно услышал, как капитан переговаривался с доктором Андерсоном⁹⁰...

– И что мне от этого надо радоваться?

– Джонни! Там есть город!

– Ну и?

– Это русский город! Андерсон так и сказал, что если они не примут величие Англии, мы накажем этих русских!

– Барти! Ты уверен! – усталость Ивайло как рукой сняло. Неужели судьба, наконец, даёт ему шанс вернуться домой?

– Точно, Джонни! Точно! Город называется Петропавловск.

***

«Дорогой брат! Извини за то, что я не писал тебе целых четыре дня, но у меня не было никакой возможности это сделать.

Только не смейся, я отлично понимаю, что письма ты мои получаешь большими пакетами, которые я передаю в портах, где мы останавливаемся для пополнения запасов воды, про-

---

⁸⁷ Зундская пошлина – плата, взимавшаяся Данией в XV—XIX вв. за проход иностранных судов через пролив Эресунн (Зунд), соединяющий Балтийское и Северное моря.

⁸⁸ Десятигалонная бочка – 45-литровая бочка, принятая на английском флоте.

⁸⁹ Земля Ван Димена – официальное название острова Тасмания до 1856 г.

⁹⁰ Андерсон Уильям (1748–1778) – корабельный хирург и руководитель научных работ в третьей экспедиции Джеймса Кука.

вианта и ремонта судов, но я решил писать тебе каждый день. Будто бы ты читаешь их каждый день и от этого мне как-то спокойнее.

Последнюю депешу я составил тебе перед проходом мыса Горн⁹¹, и после всех сложностей и борьбы с течениями и ветрами я и не думал, что нас ждёт нечто более страшное. Ударил сильнейший шторм, никто не ожидал подобного.

Четыре дня он бил нас с такой силой, что мы потеряли двух матросов, которых смыло с палубы, и никто этого даже не заметил. Мы, все пассажиры, как называют нас моряки – особенно раздражает, что новики Морского корпуса быстро начали называть нас также – собрались, как обычно при шторме, в кают-компания, обнялись, чтобы нас сильно не бросало о стены, и слушали проповеди отца Иосифа.

Как ты помнишь, наверное, из моих предыдущих писем, отец Иосиф в первый наш шторм, из-за которого мы ремонтировались в Бристоле, также читал нам молитвы и сорвал голос так, что потом почти неделю исключительно шептал, теперь же он привык к подобному и смог все четыре дня успокаивать нас своим звучным басом.

Удивительно, что все бури Атлантического океана оказались для нас менее опасными, чем первый же шторм в океане Великом⁹²!

Хорошо, что адмирал Чичагов⁹³ перед этим дал нам отдохнуть две недели в Дестеро⁹⁴, пусть и редкая глушь, но всё-таки твёрдая земля под ногами. Столь долгое плавание без остановки, а до Бразилии мы останавливались только на острове святого Антония⁹⁵, очень утомляет даже моряков, да и фрукты и свежее мясо заканчиваются, а вода становится не очень приятной на вкус. Конечно, наш корабельный врач, доктор Сильванский, щедро разбавляет её хлебным вином и лимонным соком, но всё-таки свежая вода сильно лучше.

Перед тем как мы начали огибать мыс Горн, адмирал дал указание всем судам следовать в Вальпараисо⁹⁶ и ждать там остальных две недели. А потом, в случае если не выйдет в этот срок дожидаться товарищей, следовать дальше, в соответствии с планом плавания. Всем судам надлежало идти каботажем⁹⁷ к нашим поселениям на острове святого Андрея. И получить инструкции уже там, в Новых Холмогорах.

И действительно, в такой буре корабли сразу же разметало в стороны, и Святой Владимир оказался в одиночестве. Мы все молимся, чтобы наши товарищи уцелели. Однако штормом нас унесло так далеко на северо-запад, что адмирал Чичагов решил не возвращаться к берегам Южной Америки, а следовать напрямую через Великий океан к Азии, а дальше направиться к Камчатке.

Мне кажется, что нашему адмиралу очень хочется открыть какой-нибудь остров в океане и прославить себя как великого мореплавателя. Однако так показалось не мне одному, и среди экипажа было ворчание, ибо запаса воды и провизии может не хватить для столь дальнего пути. Но ворчание было остановлено не только увещаниями отца Ионы, но и объяснениями офицеров, что для путешествия к Вальпараисо или Консепсьону⁹⁸ этого запаса тоже маловато, и, по сути дела, выхода у нас нет.

Будем надеяться, дорогой братец Пашенька, что это письмо ты получишь, а мы доберёмся до берега.

---

⁹¹ Мыс Горн – крайняя точка архипелага Огненная Земля, расположен в проливе Дрейка, отделяющего Южную Америку от Антарктиды.

⁹² Великий океан – Тихий океан (уст.)

⁹³ Чичагов Василий Яковлевич (1726–1809) – русский флотоводец, исследователь Арктики, адмирал.

⁹⁴ Дестеро – в настоящее время город Флорианополис (Бразилия)

⁹⁵ Остров Святого Антония – Санту-Антан, второй по размеру остров Кабо-Верде.

⁹⁶ Вальпараисо – город и морской порт в Чили.

⁹⁷ Каботаж или каботажное судоходство – прибрежное плавание без выхода в открытое море.

⁹⁸ Консепсьон – город в Чили с портом Талькауано.

Я очень переживаю по поводу смерти твоей Прасковьи, как ты это переносишь Павел? Как мама? Как сестрёнки? Жду с нетерпением твоих писем, братец!

С любовью, твой брат, Алёша Акулинин».

***

Во время одного из приёмов в Москве я получил челобитную от трёх армянских купцов с жалобой на астраханского губернатора Бекетова. Дескать, он вымогает взятки, рушит дела, мешает торговле и вообще не любит армян. Такая весть меня огорчила и очень. Я всегда считал Бекетова одним из лучших губернаторов, а здесь такое...

Однако у меня были и его докладные, и в них он называл одного из доносчиков, гостя⁹⁹ золотого пояса Григория Авессаломова, подозреваемым в нечестной торговле. Так что, мною в Астрахань была отправлена комиссия из Довбыша, Николая Шереметева да самого, совсем седого, но не сдавшегося Метельского, который всё увереннее подбирал под себя дела внутри государства, благо Захар всё более тяготел к заграничной разведке, пусть разберутся. Странно мне всё это было.

***

– Значит, Григорий Александрович, Вы утверждаете, что Бекетов Никита Афанасьевич Вас безвинно обижал, принуждал платить ему взятки за право торговли и всячески принижал армян?

– Конечно, Ваше Превосходительство! Все армяне Астрахани могут это подтвердить! – лощёный, европейского вида, в отличном дорогом камзоле, купец золотого пояса Авессаломов солидно кивал Зыкову, в России его род жил давно и он говорил по-русски красиво и изысканно.

– Не первый раз Вам повторяю: прошу не титуловать, не престало офицера титуловать! Необходимо называть меня господин капитан. Понятно?

– Да-да! – с некоторым непониманием отвечал ему купец.

– Итак, Григорий Александрович, а как Вы можете ответить на обвинения Никиты Афанасьевича? Вы препятствовали торговле прочих многих гостей золотого пояса. В частности, у купца Иванова Лазаря Татусовича сгорел склад, в коем пожаре губернатор винит Вас. Купец Самойлов Патрикей Семёнович потерял в Баку целое судно, гружёное хлебом. Зерно отказались брать в городе по настоящей цене, а потом за стоянку и нарушения с него потребовали семьсот туманов¹⁰⁰, которых у него, естественно, не было, уж больно сумма значительная, и судно было конфисковано. Опять же губернатор указывает на Вас.

– Ха-ха-ха! – залился смехом торговец, – Всё это чистая ложь! Никаких доказательств подобного нет и будет! Я честный купец и торгую честно!

– Значит, Бекетов лжёт?

– Безусловно! Я настаиваю! Почему, господин капитан, вы меня снова об этом спрашиваете? Уже два месяца спрашиваете, а дело-то стоит! Ущерб наносите торговле!

Зыков улыбнулся:

– Думаете, Григорий Александрович, я из чистого любопытства Вас спрашиваю об этом уже два месяца? Доказательств нет и не будет, говорите... Ладно, посмотрите вот на это. – капитан протянул Авессаломову бумаги, – Вот показания отставного капрала Стукина. Он сообщает, что поджёт склад купца Иванова за деньги, полученные от Вашего приказчика Тетевосова. Что скажете?

– Ложь! Тетевосов прекрасный человек! Он никогда бы... – купец отреагировал как-то замедленно и изумился неподдельно.

– Кстати, Вам, наверное, интересно, как же Стукин даёт показания?

---

⁹⁹ Гость – купец (уст.)

¹⁰⁰ Туман – крупная персидская золотая монета.

– Нет! – торговец скорчил презрительную мину.

– Интересно-интересно, не таитесь уж! А вот, посмотрите, допрос некого горожанина Иосифа Голованя. Его слова о том, что господин Тетевосов заплатил ему пятьдесят рублей за убийство Стукина. Однако тот увернулся и в результате Головань только порезал ему лицо, но, боясь не получить денег, соврал Тетевосову, что Стукина он убил. Забавно, да?

– При чём тут я? – возмутился Авессаломов, – Значит, Тетевосов затеял предать моё доверие! Идите к этому нечестному человеку! Ах, позор мне, что такую змею пригрел на груди! Позор!

– Не лицедействуйте, Григорий Александрович, Вам не идёт! Думаете, что Тетевосов никогда против Вас ничего не скажет, всё на себя возьмёт, ибо всем Вам обязан? Ха-ха... – Зыков коротко и жёстко рассмеялся, – Конечно, Вы же его из грязи вытащили... А нет! Знали ли Вы, что Ваш приказчик и помимо Ваших заказов делишки свои обдeldывал? То здесь что украдёт, то там кого ограбит. Много на нём крови! А когда предлагают решить, что для тебя лучше: навсегда в серебряные шахты отправиться, или всего-то на восемь лет, то здесь уже в голове что-то преворачивается!

Авессаломов резко побледнел. А Зыков продолжал:

– Вот, посмотрите, господин честный купец, показания Тетевосова, Ваша расходная книжечка из тайничка Вашего. Вы же в него сегодня не заглядывали, да? Приказчик Ваш много чего приметил...

Купец стал похож на свежего покойника, он механически брал протягиваемые ему капитаном документы, смотрел на них с явным ужасом и клал на стол.

– А вот, гляньте-ка, Григорий Александрович, вот документ от Бакинского хана. Мелик Мухаммад-хан¹⁰¹ пишет, как Вы обманом заставили его обидеть Самойлова. Много чего он здесь написал, а на деле: Вы же ему десятую часть дохода от обмана своего же русского купца обещали, да ещё и стали единственным посредником в торговле ханства с Россией, за ту же десятину, а?

– Как? – хрипел купец.

– Как удалось получить такое письмо от хана? Да просто – мы ему показали, что Вы его обманывали, причём на огромные суммы. Зачем ему такой сотоварищ? А если есть партнёр лучше? Ха-ха. – Опять коротко рассмеялся Зыков.

– Что Вы...

– Это ещё не всё. Вот показания пяти золотых поясов Астрахани, что Вы их подбивали и даже принуждали, всячески мешать государевым торговым обществам, а когда затея эта шла всё хуже и хуже, оболгать Бекетова. Что скажете, все армянские купцы города за Вас горой встанут?

Омерзительно было смотреть, как лощёный, блестящий как стеклянный стакан купец превращался в грязь, как менялось его выражение лица и повадки, сползала улыбка и высокомерие, опускались плечи, сгибалась колесом спина, он даже, кажется, резко постарел.

– Что со мной будет? – хрипло прошептал Авессаломов.

– Имперский кабинет решит. Я же буду просить для Вас вечную каторгу.

Трое главных обвиняемых были отвезены в Петербург на суд в кандалах, а вот верхушка армянского купечества проследовала в столицу без них. Что уж они думали по дороге? Скорее всего, что за Авессаломова всех армян как минимум лишат торговли, а то и отправят в Сибирь.

Но так не было. Я просто самолично принял их и провёл воспитательную беседу, объяснив, что торговля есть торговля, ловкость для неё требуется, возражений нет, но вот наносить ущерб России не позволю. Кто только о таком подумает, тот головой ответит! Против их обогащения я ничего не имею, но меру надо знать! А вот и новый человек, который им поможет

---

¹⁰¹ Мелик Мухаммад-хан – правитель Бакинского ханства в составе Персии в 1767–1784 гг.

понять, где им и прибыль получить и как закон не нарушить – глава новообразованного Гостиного приказа – Степан Горшенников.

Степан был просто невероятным человеком – ростом за два метра, лицо зверообразное, кулаки как кузнечные молоты. Но зато знал он восемнадцать языков, приказчиком объехал полмира, и умён был, и хитёр. Его назвали в моей канцелярии самой подходящей для такой должности фигурой, и в ней он прослужил четыре года, показав себя отличным знатоком организации торговли.

Горшенников являлся одним из составителей важнейшего для нас договора, заключение которого было триумфом Обрескова – торгового трактата с Персией. Мохаммад Карим-хан Зенд¹⁰² нуждался в оружии для продолжения войны с турками¹⁰³, а его друзья-англичане сейчас не могли ему ничем помочь – слишком уж они завязли в войне с непокорными тринадцатью колониями в Северной Америке¹⁰⁴. Так что мы его практически принудили подписать выгодное нам торговое соглашение, да ещё и внести в него обязательства правительства Зендов содействовать переселению проживающих в Персии христиан в Россию.

Это было ещё одна из важнейших причин Астраханской расправы, как её стали называть в купеческой среде. Вот смешно-то, троих золотых поясов на каторгу отправили, причём двух всего-то на два года, а уже расправа – кажется, нравы смягчаются. Но я хотел, чтобы возможностями резкого увеличения торговли с Персией, а через неё и с индийскими княжествами воспользовалось наше государство в целом. И разрешать, чтобы все сливки сняли несколько купчишек, да ещё и вывели заработки за границу, я точно не собирался. Сколько я такого навидался в будущем – здесь этого не допущу.

Степан после представления, произнёс краткую речь, в которой почти повторил мои мысли. Его слова купцы восприняли с испугом: многие с ним знакомы были и искренне боялись – большой человек, сильный, почти всё про них знает, может разозлиться да прибить нечаянно! Подходящий кандидат для такого поста, будет наших торговцев в строгости держать, а то вон как увлекаются.

А затем, просил меня Горшенников простить Авессаломова – мол, очень хитёр да ловок купчишка, пригодится же, да и новому приказу и приказному главе такое благодеяние значение в обществе повысит. Но я ему отказал. Не готов я простить такого мерзавца, убийцу, поджигателя, лжеца, да и урок прочим слишком ушлым людишкам надо дать!

А потом случилась новая неприятность. Подъём купчества, рост его влияния и доходов, вызвал бурление среди аристократии. Нет, боялись они по-прежнему, но вот то, что деньги большие начали проходить мимо них, у некоторых этот страх притупили. Аресты мы провели сразу, заговор даже не успел оформиться – так сказать, подбили на взлёте.

Инициатором выступал генерал-поручик Николай Салтыков¹⁰⁵, дальний родственник бывшего московского губернатора и пресловутой Салтычихи¹⁰⁶. Положение в обществе его было весьма слабым, при дворе генерал не прижился, хоть и лез туда изо всех сил и связей, из военных его тоже попросили, так что прозябал Николай Иванович в имениях. Будучи человеком весьма жадным и завистливым, он не мог спокойно смотреть, как неродовитые торговцы зарабатывают огромные деньги.

---

¹⁰² Мохаммад Карим-хан Зенд (1705–1794) – правитель Персии с 1753, предводитель курдского племени зендов, захватил власть после смерти Надир-шаха, основатель династии Зендов.

¹⁰³ Имеется в виду война 1775–1776 гг. за Ирак.

¹⁰⁴ Имеется в виду Война за независимость США (1775–1783).

¹⁰⁵ Салтыков Николай Иванович (1736–1816) – русский царедворец, генерал-фельдмаршал, граф, затем светлейший князь.

¹⁰⁶ Дарья Николаевна Салтыкова (1730–1801) – русская помещица, садистка и серийная убийца, известная как Салтычиха или Людоедка.

С помощью своего управляющего, некоего отставного подполковника Зубова¹⁰⁷ стал Салтыков смущать аристократов, отстранённых от таких огромных денежных потоков. Целью своей он ставил восстановление власти шляхетской, даже ценою убийства императора и всех моих сторонников.

Забавный факт: из пяти руководителей заговора, избранных Салтыковым в доверенные лица, один оказался давним агентом тайной экспедиции, а ещё двое добровольно явились туда сразу, как им стало известно о природе Komplota¹⁰⁸, в который их призывал генерал-поручик.

Под следствие пошло всего-то тридцать два человека, правда, в основном родовитые, но всё-таки, тоже тенденция – вырождаются заговорщики. В основном даже аристократы находят себе место в новом порядке и не стремятся устраивать перевороты. По крайней мере, пока...

---

¹⁰⁷ Зубов Александр Николаевич (1727–1795) – русский царедворец, отец фаворита Екатерины II Платона Зубова, обер-прокурор Сената, граф.

¹⁰⁸ Komplot – заговор (уст.)

Глава 5

Мама уезжала. Что же удерживать её дальше в столице я не собирался, пусть мне и было грустно. Я воспринимал её именно как маму, та далёкая, из прошлой жизни, мать ушла куда-то в туман, теперь, если я думал о маме, то ею положительно была Екатерина Алексеевна. Мне предстояло отвыкнуть постоянно советоваться с нею, опираться на её поддержку, прятаться за нею, чтобы разыгрывать политические комбинации.

Конечно, я был готов к этому: в управлении все главные позиции занимали именно мои люди, я определял настоящую политику империи, увлекал Россию по выбранному мною пути, но всё одно – грустно. Мама плакала, хотя всё было решено уже давно, и это был её осознанный выбор, но слишком многое нас связывало.

За столько лет совместных деяний, сражений, горя и радости мы срослись как сиамские близнецы. Это было больше, чем любовь сына и матери, а теперь мы разрывали эту связь. Я сам сдерживал слёзы только огромным усилием воли.

– Всё будет хорошо, мамочка! Мы будем видеться! Я непременно буду вас навещать! Гриша там всё организует! Тёплое море, много солнца, девочкам там будет хорошо! Ты будешь слушать музыку, творить романы и пьесы, переписываться со всеми философами мира. Всё будет хорошо!

– Пашенька, но как же ты здесь без меня?

– Что ты, мама! – я улыбнулся, – Я справлюсь, ты же знаешь!

– Знаю, но сердце не на месте!

– Ты оставляешь меня не одного, Катя рядом. У тебя ещё есть дети, мама, и о них надо позаботиться. Не волнуйся!

Сколько я её не успокаивал, она так и вышла к возкам в слезах. Её было вдвойне тяжело: она оставляла меня, но не только – ещё и власть, к которой привыкаешь, и её зримый символ – столицу империи. Моя сильная и смелая мама. Пусть за ней и останется прозвище Великая, ибо это она была императрицей, когда мы победили Османов и присоединили огромные земли, которые принесли нам невиданное благосостояние, укрепили государство, изменили жизнь в стране – всё она, Екатерина. Мне здесь чужого не надо.

***

1777 год. Столько дел в этом году. Столько идей. В провинции дальше людей переселять, заводы и города возводить. Уже не только фрегаты по новым проектам, но и линейные корабли начать строить, да и торговых судов маловато, продажи-то за границу растут, а под государственным контролем борьба за рынки как удачнее проходит. На крепостях первой очереди стены возводить, армию увеличивать.

Ямской приказ надо создавать, без него уже никуда. Связь – это же вещь совершенно необходимая, а уж для наших просторов. Мне бы телеграф на худой конец, но... Пока и голуби нормально справляются, однако их явно мало, их у нас только около ста тысяч, а надобно раза в три больше.

Да и вообще, вся связь должна быть в одних руках, а то не дело, что голубиной почтой занимаются в Тайной экспедиции, а обычная доставка писем – у Ямской канцелярии. Человека-то уже ищем на приказ, в этом году непременно надо создать.

Много дел, а здесь ещё проблема с Польшей и Австрией. Понятно, что в этом году войны не будет – Империя ещё не готова, а Пруссию втянуть в раздел Польши они точно сейчас не захотят. Но к будущей войне требуется готовиться. Баур с Вейсманом обратили внимание, что оружейные заводы нужно ближе к возможным схваткам размещать.

Пока из Сестрорецка или Тулы ружья или пушки с Урала или даже из Выксы¹⁰⁹ подвезёшь, то и война, глядишь, закончится – не дело это. Пришлось в спешке планы перекраивать. На Кривом Роге быстрее пушечное производство открывать, Ярцову велено было всё бросать и туда бежать.

По ружьям Сестрорецк у нас пока один со своими технологиями, и он ещё, по сути, только строится, а пришлось уже срочно его копии создавать. Христофор Эйлер ругался, Бухвостов молча зубами скрипел, но что делать – только они у нас в организации правильного ружейного производства хорошо разбираются, помощников вырастить не успели. Решили три новых завода сразу закладывать – совсем срочно в Новороссийске, городе, что только начали планировать возле впадения реки Самары в Днепр¹¹⁰.

Потёмкин считал этого город важнейшим для освоения края, но там только начались землемерные работы для проектирования, а нам уже нужен там город, хоть какой-то. Завод надо ставить там – удобнее всего снабжать армии на юге именно оттуда. Так что здесь ещё и город строить надо. В Новороссийск пока Эйлер с Бухвостовым и направятся – ребята умелые, молодые – справятся.

Ещё завод решили строить в Борской слободе¹¹¹, что возле Нижнего, да в Туле надо новый ставить. Правда, этими-то задачами чуть позже займёмся.

К тому же в торговле, после заключения договора с Персией, открылись новые возможности. Особенно порадовало то, что хитрый Вакиль-од-Дауля¹¹² сразу начал прощупывать нас на предмет поставки оружия. У него были тёплые отношения с англичанами, и именно через них он надеялся получать пушки и ружья. Однако у британцев проблемы с колониями в Северной Америке нарастали, и обеспечить поставки они были не в состоянии, и вот Зенды¹¹³ решили попробовать найти другого продавца.

Глупо было бы такой возможностью не воспользоваться. Вытеснить англичан с персидского рынка совсем – это было бы просто чудесно.

***

– Нет, Степан Никифорович, не устраивает меня это!

Горшенников непонимающе округлил глаза:

– Ваше Величество, но всё же неплохо! Количество купцов растёт и довольно быстро!

– Растёт, но только как? Равномерно по всем поясным обществам, но слишком мало простых купцов. Нам же надлежит иметь эдакую пирамиду, в которой основание – мелкие торговцы, а их сильно меньше, чем требуется. У нас в стране основное население – крестьяне, а они богатеют, у них заводятся деньги, они будут хотеть их тратить, а где? Да, в европейских наместничествах выстраивается система торжищ и ярмарок, купцы по рекам худо-бедно заезжают в поселения, а что в остальной стране?

– Ваше Величество, Вы хотите, чтобы я занялся этим?

– Да, Степан Никифорович, это будет одна из Ваших первоочередных задач. И я прошу в докладах это обязательно отражать. Поймите, что наших крестьян миллионы! И если даже каждый пятый купит у мелкого торговца ножницы, иголки, отрез сукна, сапоги, сладости или ещё что-то, то это станет огромным подспорьем для заводов. То есть мы получим двойной эффект: увеличим доходы от промышленности и улучшим жизнь наших подданных, но для этого нам нужен рост количества железных и медных поясов, в первую очередь.

¹⁰⁹ Выкса – город в Нижегородской области, в те времена центр металлургии братьев Баташевых.

¹¹⁰ Новороссийск – в н.в. город Днепропетровск. Действительно, был заложен как Новороссийск, позже переименован в Екатеринослав.

¹¹¹ Борская слобода – в н.в. город Бор Нижегородской области.

¹¹² Вакиль-од-Дауля – уполномоченный государства (перс.). Официальный титул Керима-хан Зенда Мохаммада, правителя Персии, который формально руководил государством как регент при Исмаиле III Сефевии.

¹¹³ Зенды – династия, правящая Ираном в XVIII в. Представители курдского племени Зендов.

Да, от золотых и серебряных обществ мы пока получаем больше сборов, но это пока – представьте себе, сколько мелких торговцев надо для разносной продажи в деревнях.

– Понял, Ваше Величество! Приложу все усилия!

– Не сомневаюсь, Степан Никифорович, а теперь расскажите мне о торговле с Персией.

❖❖❖❖❖❖

– Почтенный Назим! Вы кушайте-кушайте! Такой кебаб! Самому шаху такой кебаб подать было бы не стыдно! – ещё не очень старый перс почти заискивающе заглядывал в глаза Никодиму. Бубнов возглавил созданное торговое представительство в Астрабаде и уже несколько месяцев официально работал в здешних краях.

– Да-да, великолепный кебаб, просто тает во рту, а вкус такой тонкий, что хочется его есть и есть! Спасибо Вам, почтенный Карим за такое угощение! – этот Карим оказался очень активным торговцем, да ещё и чрезвычайно, даже чересчур, дружелюбным. Явно ему что-то было от Никодима надо, но он пока прощупывал почву.

– Вот, ещё плов отведайте, почтенный Назим! Этот плов даже пророк бы посчитал великолепным!

– Я скоро стану совсем круглым, и Вы меня покатите домой как арбуз, почтенный Карим! – смеялся русский, а перс ему вторил.

– А вот попробуйте, почтенный Назим, вина! Оно отличное, привезено из самого Милана, специально для меня.

– А как же заветы пророка? – хитро посмотрел на хозяина Бубнов.

– О! Пророк был бы не против – вино очень хорошее! – также хитро усмехнулся Карим, – А закусите-ка его вот этими медовыми хорасанскими дынями!

– Почтенный Карим, я скоро лопну от ваших угощений! Не пора ли рассказать мне, что Вы от меня хотите? – решил перейти к сути русский.

– Ох, какой Вы быстрый, почтенный Назим! Но так и быть... Вы продаёте ружья, порох, и даже пушки Керим-хану.

– И что с того, почтенный Карим? – глаза Никодима превратились практически в щёлки.

– Скажите, а Вы можете достать и мне русское оружие? – наконец решился перс.

– Хм... Именно Вам, почтенный Карим? – прищурился Бубнов.

– А хотя бы и мне...

– Тогда нет. Вам, почтенный Карим, оружие ни к чему. Вы купец, торгуете немного фарфором, немного зерном. Зачем Вам оружие? – покачал головой Никодим и снова принялся за еду.

Перс сидел молча, потом резко встал, вытер бороду руками и, наконец, открылся:

– А если не мне? Если Шахрох-шаху¹¹⁴?

– Ага... А как же его довести в Мешхед? Керим-хан, конечно, уважает наследника Надир-шаха¹¹⁵ и даже позволяет ему править Хорасаном. Но, боюсь, не настолько, чтобы отдавать ему часть грузов, в которых он столь нуждается.

– Это не Ваша проблема, почтенный. Мне нужно оружие и много! Сможете привезти? – Карим начал активно жестикулировать. Раскрыв свои намерения, он уже не мог не получить необходимое.

– И так, чтобы люди Керим-хана не знали? – Бубнов задумчиво поглядел на собеседника и откусил кусочек действительно превосходной дыни.

– Сможете, почтенный Назим? Или мне пойти к англичанам? – у перса от волнения уже затряслись руки.

---

¹¹⁴ Шахрох-шах (1734–1796) – последний шах Персии из династии Афшаридов. В 1749 был свергнут с престола и ослеплён, но в 1750 освобождён и правил в Мешхеде с перерывами до самой смерти.

¹¹⁵ Надир-шах (1688–1747) – шах Персии с 1736 г., основатель династии Афшаридов. Происходил из племени афшар тюркского объединения кызылбаши. Великий полководец, дед Шахрох-хана.

– Не стоит, почтенный Карим! Они сейчас Вам не помогут, свободного оружия у них нет, да и ссориться с Зендами они не станут. – Никодим перестал есть и внимательно смотрел на купца.

– А Вы станете?

– Как договоримся! – и Бубнов жёстко взглянул в глаза хозяину дома.

Хорасан был богат золотом и бирюзой, а сам внук великого Надир-шаха, по слухам, сохранил его огромную казну. И, если, из уважения к знаменитому предку слепого правителя княжества, Зендский владыка Персии его не трогал, но вот Дурранийцы¹¹⁶ постоянно угрожали Шахроху.

Установление отношений с государствами, находящимися за Персидской державой, было одним из главных заданий, которые получил бывший гайдук императора, раненный при Варне. Никодим не врал приятелю – майору Карпухину, он действительно по ранению не смог продолжать службу, зато владение восточными языками, которых уроженец Астрахани знал три – персидский, армянский и турецкий, открыло ему путь в дальнейшей карьере. Теперь Бубнов – тайный агент экономической разведки русского императора в Персии.

***

– Я возражаю, Ваше Величество! Никак не могу ружья из армейского запаса на продажу отправлять! А уж пушки-то и подавно! – Вейсман был весьма гневен, да и не удивительно, ведь речь шла о том, чтобы выдать со складов почти треть имеющихся там ружей, до четверти штуцеров и столько же пушек, пусть и устаревших конструкций, но ещё вполне боеспособных.

– Не горячись, Отто! Ты же понимаешь, что с ружьями мы вопрос решим. Сестрорецк через год сможет давать уже втрое больше ружей, чем сейчас. Это я не смотрю даже на строительство новых заводов, а их три!

– А сейчас стрелять солдатам из чего предлагается? Из палок?

– Отто! Ты не прибедряйся! А если понадобится, то из палок стрелять будут! Баур всё просчитал: полностью будут вооружены только армии Румянцева и Суворова! Им, ежели чего, первыми в бой вступать. Остальным пока столько ружей не надобно, им больше обучением предстоит заниматься. А как начнут работать новые заводы, мы быстро эту проблему решим.

Но сейчас нам нужны деньги на эти затеи. Ты же сам требовал, чтобы ружейных производств было больше, и чтобы к будущим сражениям они ближе были. Сам же настаивал, чтобы сроки сдвинули и вместо одного Сестрорецкого у нас четыре завода было.

Христофор Эйлер с Бухвостовым просто на разрыв идут. Сложно им между Сестрорецком и Новороссийском мотаться, пока отладка здесь не завершилась, а им уже и на Днепре работы много. А в Новороссийске-то, кроме названия, толком и нет ничего.

Пристань наладить, план города сотворить, людей натащить, материалы, провиант, стройку начать – ты думаешь, оно как-то само получится? А без города такому заводу не бывать. Где же, дорогбй мой Отто, нам найти средства на это, а? А тут выходит: за персидский счёт почти всё делаем.

– Но не ружьями же торговать!

– А чем, Отто? Что ещё продаётся хорошо, быстро и с пользой?

– Какой ещё пользой?

– Так персы-то ружья да пушки против турок направят! А коли у османов будет война идти, то им не до нас станет и надолго! И торговля будет и покой, и время у тебя будет крепости строить, да войска учить, и деньги будут! Ну, сам посуди!

– А ежели война? Хорошо, турок ты отвлечёшь, а если цесарцы на нас купно с пруссаками навалятся? Чем мы воевать будем?

---

¹¹⁶ Происходящие из пуштунского племени Дуррани правители Дурранийской империи – пуштунского государства на территории современных Афганистана, Пакистана, части Ирана и Индии.

– Отто! В этом году войны у нас не будет, точно говорю. Иосиф будет наращивать армию, а дружбы у них с Фридрихом нет – напротив, не факт, что Австрия на Пруссию не навалится.

– Точно? – Вейсман посмотрел на меня с некоторым недоверием.

– Да точнее не бывает. Свара у них знатная.

– Ну, хорошо! Ну, ты хоть пушки не тронь! С пушками-то не всё хорошо, пушки они долго льются, а их у нас сильно недостаёт.

– Так я же им всё старёе отправляю, Отто! Такие орудия в лучшем случае в крепости ставить, да в гарнизонах внутренних держать. В общем, чего ты страдаешь, сам же видишь, больше и больше средств на армию пускаем. Так что, ты лучше садись с Бауром и думай, как тришкин кафтан латать.

– Ты и меня пойми, Павел Петрович! У нас же армия без оружия будет, крепости не оснащены стоят. Что делать будем, если война придёт?

– Да, Отто... Война, она приходит неожиданно. Всегда неожиданно, но сейчас нам придётся рискнуть. Не подбросим сейчас персам оружия: мы, мало того, что отвадим их в случае любых сложностей к нам бежать – к англичанам уйдут, так ведь ещё и туркам руки развяжем... Пока Персы с Османами за Ирак воюют – турки на нас и не посмотрят, а вот как только там всё успокоится, то тут жди нападения. А крепости-то ещё не достроены, куда там пушки ставить, да и крепостные орудия делать легче: конструкция проще, да и лафетов сложных не требуется – их возить в бою туда-сюда без надобности – быстро наклепаем.

***

Лобов задумчиво смотрел в окно своей комнаты в Лондоне. Смотрел на город и прощался с ним. Что его связывало с Англией? Да, пожалуй, больше ничего. Женщину он себя здесь не завёл, с делами закончил... С Гаскойном он распрощался грандиозной попойкой в клубе, у Трубецкого он сегодня был. Николай угостил его, расставаясь, рюмочкой волшебной архангельской ежевичной настойки, затем долго обнимал приятеля, а старый Иоасаф даже проследил за ним при расставании. Навигация на Балтике уже открылась и поводов дольше оставаться на острове у него не было. Конечно, грустно было не повидаться на прощание с Сидоровым, но, похоже, он не успел выполнить обещанного.

Его раздумья прервал скрип двери. Алексей обернулся и захохотал:

– Только что о тебе подумал, а ты тут как тут, Ерёма! Я уже собрался в порт уезжать, полагаю – дела тебя держат.

– Дела, Алёша, держат, конечно. Причём твои же! – расплылся в улыбке Сидоров, – Уж решил, придётся тебе писать, ан нет – успел!

– Мои дела? Что выведал всё-таки у Уокера секрет?

– У Уокера-то? Нет, у него не стал – форменный выжига¹¹⁷! Дашь ему палец, без руки останешься, устраиваться к нему на работу – оно себе дороже. Я у Гентсмана всё узнал.

– Так он же ни в какую...

– Ты что, братец, за новостями совсем не следишь?

– Ты о чём, Ерёма?

– Разорился твой Гентсман! Как есть разорился! Ему после поджога не удалось завод восстановить, к тому же контракты он потерял, ну, и всё... А когда к нему подкатил немец, как его предки¹¹⁸, да ещё и протестант, ищущий истину среди «общества Друзей¹¹⁹», то продать такому свой секрет уж явно сам Бог велел.

– Удивительно! Как же ты...

---

¹¹⁷ Выжига – опытный плут.

¹¹⁸ Гентсманы были эмигрантами из Германии.

¹¹⁹ Общество Друзей иначе Квакеры – религиозное объединение протестантских организаций. К ним принадлежало семейство Гентсманов.

– Как прознал? – устало присел на стул приятель, – Так я тебе говорил, что информация – мой хлеб, вот и прознал. А задержался, потому что вывозил в Гаагу под наблюдение нашего консула мастеров с Гентмановского завода – двоих удалось сманить. Хотел больше, но на них в Шеффилде спрос...

– Ерёма, да ты...

– Молодец, знаю! – устало засмеялся Сидоров, – Только очень уж умученный молодец. Скакал, как бешеный, хотел тебя ещё увидеть, всё рассказать. Ты ведь уедешь, а я с Ружичкой останусь. Он, конечно, хороший парень, но всё же таки...

– Ерёма-Ерёма! Вот душа не лежала, уезжать домой, с тобой не попрощавшись! А ты ещё и с подарочком! Да завтра с отвальной-то управимся? А то капитан Черемисин меня дожидаться дольше не станет, домой отчалит!

– Успеем, братец, успеем! Ружичка!

❖❖❖❖❖❖

– Что же, милый Питер, Вы привезли мне деньги? – сэр Чарльз пропел эти слова как песенку, при этом улыбаясь как-то очень плотно.

– Конечно, как обещал! – испуганно пискнул голландец и втянул голову в плечи.

– Хорошо, милый Питер, я рад, что всегда могу положиться на Вас! Прогуляемся? – сэр Чарльз не стал дожидаться реакции собеседника, встал из-за стола и вышел в сад.

Особняк сэра Чарльза был очень неплох, статус одного из лучших адвокатов Лондона и даже вероятного члена Парламента дал ему многое, но значительно больше он получал от своего иного статуса – тайного главы общества луддитов.

– Итак, Питер как дела у тебя с торговлей?

– О, мой Светоч! Мне пришлось отказаться от дел с мятежными колонистами – слишком уж стал силён да многочислен теперь там королевский флот, наши договорённости было просто невозможно соблюдать. Да и граф Чатам¹²⁰, после гибели своего любимого среднего сына совсем выбыл из игры, а он был моим постоянным покровителем в русских делах. – виновато забубнил купец.

– Да, глупая история вышла с этим мальчишкой. – скривился сэр Чарльз, – Чёрт угроził этого Уильяма-младшего оказаться возле Кромфорда¹²¹, ребята не знали, кто это в экипаже. Случайность, Питер, так бывает.

– Да, мой Светоч, но мои доходы...

– Ты хочешь давать мне меньше денег? – голос сэра Чарльза приобрёл злобные нотки, – Ты хочешь лишиться своей торговли? Мне будет это сделать несложно...

– Что Вы, о мой Светоч! Я знаю своё место! Просто я умоляю помочь мне в открытии новых путей для заработка! – скулил Питер.

– О чём же Вы просите, Питер? – уже спокойнее спросил его собеседник.

– Не откажите, мой Светоч, дать мне возможность заработать на торговле с Ост-Индией! Я могу приносить сильно больше, если чуть подвинуть Компанию¹²² хотя бы в торговле с Китаем и Персией!

– Вы с ума сошли, Питер? Есть ли ещё более любимое дитя Британии, чем Компания? И Вы мне предлагаете покуситься на него?

– Ну, мой Светоч, Вы же скоро войдёте в Парламент, и Ваше могущество вырастет! И, может быть, тогда? – умоляюще ныл голландец.

---

¹²⁰ Уильям Питт-старший, граф Чатам (1708–1778) – британский государственный деятель, премьер-министр. Отец Уильяма Питта-младшего (1759–1806) одного из величайших политиков Англии.

¹²¹ Кромфорд – город в Дербишире, Центральной Англии, где была построена первая текстильная фабрика с водяной мельницей.

¹²² Британская Ост-Индская компания – монополист в английской торговле с азиатскими странами. Одна из крупнейших торговых компаний в мировой истории.

– Возможно-возможно, Питер, но этого не произойдёт в ближайшем будущем! А мне нужны деньги! Наше святое дело нуждается в средствах! – патетически воскликнул предводитель тайного общества.

– Конечно, о мой Светоч! Но где же мне найти доходы?

– Хорошо! Я дам тебе торговлю с Барбадосом¹²³. Рекомендательные письма получишь у моего секретаря завтра. Деньги привезёшь мне в срок!

– Конечно, о мой Светоч! – и голландец, низко склонившись, стал пятиться к выходу.

Сев в коляску, Питер задумчиво откинулся на сидении. Уже отъехав на порядочное расстояние от поместья, он, хмыкнув, прошипел себе под нос по-русски:

– Барбадос он мне дарит! Святое дело! Поместье ты себе отгрохал на наши деньги, грабитель! Что же мне делать с этим Барбадосом, а?

***

Летом, наконец, Грейг разобрался с ситуацией на Чёрном море. Он как-то позабросил дела, сосредоточившись на новых кораблях, тренировках экипажей, а его начальник канцелярии, и, по сути, один из первых помощников, Мартын Фондезин¹²⁴, показал свою полную неспособность выполнять возложенные на него обязанности и помогать приказному главе следить за делами.

Получив внушение от меня, Самуил Карлович отправился на Чёрное море, где раздал всем сёстрам по серьгам: командующим флотом назначен был Федот Клокачёв¹²⁵, Сенявин был отправлен на строительство Николаевской верфи и организацию кораблестроения, к чему он имел способности и желание. Прочих же адмиралов, которые устроили местнические споры и форменную неразбериху, Грейг предложил отправить в отставку, я-то нисколько не возражал – ему виднее.

Особенной похвалы от Самуила Карловича удостоился капитан Фёдор Ушаков, который, по мнению Сенявина, был незаменим в борьбе с чумой, стал правой рукой адмирала в наведении порядка, а затем прекрасно исполнял функции начальника над портом Очакова. По ходатайству своих командиров Ушаков за заслуги свои представлен был к ордену Святого Иоанна, причём сразу двух степеней.

Также Грейг рекомендовал назначить отличившегося капитана начальником Порта Херсонеса, который он и должен быть построить. Такая награда и повышение для молодого ещё моряка были вполне заслуженными по мнению целых двух адмиралов, а уж я-то, памятуя о том, кто такой был в моём мире Фёдор Фёдорович, ничуть этому не препятствовал.

***

– Эх, барин! Легко тебе говорить-то! А как мы от дома-то родного уедем? – мастер Кузовков швырнул шапку оземь, а остальные работные, собравшиеся на площади возмущённо загудели.

– Не поняли вы меня, люди добрые! – Лобов поморщился, но руки не опускал, – Я говорил только то, что завод закрывается! Всё одно закрывается! Слишком уж далеко теперь возить уголь выходит! Дорого! Железо Ваше уже не продаётся! А дальше уж каждый сам может решать: кто на землю хочет вернуться, кто на другие заводы переехать, а кто и со мной на государевы харчи перейти!

– Как же, что же, выходит, почти всем переезжать придётся! – Кузовков неверяще смотрел на Лобова.

Тот вздохнул:

---

¹²³ Барбадос – остров в группе Малых Антильских островов в Карибском море. В то время британская колония – один из крупнейших поставщиков сахара на европейский рынок.

¹²⁴ Фондезин Мартын Петрович (1738–1821) – русский адмирал.

¹²⁵ Клокачёв Федот Алексеевич (1732–1783) – вице-адмирал, первый командующий Черноморским флотом.

– Братцы, да неужели вы сами не понимаете, что железо ваше больно дорого выходит, и что завод ваш выработался?

Народ ревел, бабы рыдали, мужики потрясали кулаками. Командир солдат, что пришли с Лобовым – поручик Трушинин, напрягся, крепче за ружья схватились и его люди. Всё шло к бунту, пусть и бессмысленному, но так привычному для русского человека. Как объяснить себе, что завод, который несколько десятков лет кормил столько людей, а последние годы даже хорошо кормил, стал вдруг не нужен? Только найдя виновного!

Но процесс остановил местный священник, отец Василий. Он вышел на помост и поднял руку. Народ, уважавший своего духовного пастыря, притих.

– Чада мои! Ужель вините вы в страданиях своих сего человека? – и он показал на Лобова. Люди подтверждающе загудели, – А ведь он пришёл помочь вам! Помочь! Без него вы бы не имели такого выбора. Он вам его дал, а вы его проклинать, аки гонца, что принёс плохие вести! Ужель вы не понимали, что завод закрывается? Приказчики почти все уехали, угля вторую неделю совсем мало привозят, а вы думаете, что всё хорошо?

Возможно ли не ведали вы, что всё – заводу больше не жить? Али не понимаете вы ничего в железном деле? Вот ты, Игнат Кузовков, ты, разве не видел, что завод должен закрыться?

Мастер растерянно развёл руками.

– Молчишь! А ведь всё ты знаешь! Эх! Люди добрые, идите-ка домой! Думайте, детушки! Господь с вами!

Люди задумчиво разошлись, уже не такие обозлённые. А вечером к Лобову пошли ходоки, выяснять условия переезда.

– Отче! – спросил Алексей у священника, – Почему Вы решили вмешаться?

– Так, дети это мои, господин инженер! Дети! Я же здесь родился, мой батюшка покойный священником тут был, я всю жизнь с этими людьми бок о бок. Тот же Кузовков – ведь отец его Степан помогал доченьку мою первую хоронить! Сам же пришёл помочь. А я того же Игната – молодой он совсем был, отговорил соседа, Николку Чашникова, убить – тот девку у него отбил, а теперь они дружки не разлей вода!

Все грехи и тайны мне ведомы, все их радости и горести со мной поделены. Как же глупышей таких мне не уберечь-то? Ведь кинься они на тебя, твои солдаты всенепременно бы стрелять начали! И солдатам грех был бы! Нет, никак не возможно отцу духовному такое допустить! Лучше бы и меня тогда побили, только бы не видеть этого!

– Ох, отче! – Лобов поклонился священнику, – Спасибо Вам!

– Чего спасибо? Ты то что, сын мой, творишь? Пусть люди и догадались, что заводу конец, но зачем же их так, как котёнка неразумного, в ошибки тыкаешь? Зачем ты их так огорошил? Спешись, молод ещё! А если бы я рядом не оказался, то как ты потом перед начальниками своими объяснялся? Что бы ответил на вопрос, где люди, которых тебе привезти поручили? – священник ласково улыбался, и вправду глядя на молодого инженера, словно на сына.

– Отче, а научите меня, как с людьми говорить?

– Что же не научить, сын мой! Научу, дорога-то длинная впереди...

– А что же так, батюшка, Вы здесь не останетесь? Здесь же приход Ваш.

– Что Вы! Как здесь! Я же своих чадушек знаю! Почти все с тобой поедут. Подумают да поедут. На месте крестьянствовать останутся только две семьи – хочешь, скажу кто? Нет? – усмехнулся немолодой священник, – К соседям никто из наших не пойдёт, снова начинать с низов, да ещё там, где тебя все знают – нет, не захотят. А ты им единственный выход предлагаешь, что гордость их не потревожит.

Как есть все мастера, да подмастерья с тобой уедут. Значит, и я с ними буду! Я же сейчас без семьи – бирик! Попадья-то моя уже восемь лет как в могиле лежит, а сыны учатся: один вот скоро священником тоже станет, а второй – в сам Петербург отправлен, говорят, к науке тяготение имеет. Мой Аникитушка он завсегда к мастерам да инженерам приставал – почему мол,

да зачем и как. А потом сделал из кожи да палочек эдакую стенку для кузнечного меха, пре-большую такую, да как прыгнет с ней с колокольни, благо она у нас невысокая. Пострелёнок!

Так что, я с тобой да моими чадами духовными поеду, господин инженер! Епископ наш меня благословит, я с ним дружен. Говоришь, к тёплому морю? Хорошо, наверное, там!

– Хорошо, только вот земли неосвоенные, отче! Всё заселять придётся, крестьяне, конечно, едут уже, но ведь...

– Ничего, сын мой! И здесь завод не сразу ставился, а со старыми знакомыми-то всегда проще начинать! Не грусти! Всё будет хорошо! Давай помолимся за успех!

***

– Молодой человек! Я вижу Ваш интерес к исследованию «горючего воздуха», но не могу понять причин, кои к этому Вас подвигают! Ведь Вы же учитесь физике! При чём здесь этот флогистон, не понимаю! Возможно, Вы хотите перевестись к профессору Леману, на химический курс? – академик Вильке говорил, как всегда, очень сухо и жёстко, в кабинете также сидел ректор университета Эйлер, и Аникита обмер от ужаса, предчувствуя страшные кары, что обрушаться на его голову.

– Не надо меня к Леману, Иван Карлович! Очень мне Ваши лекции по сердцу! Христом богом прошу, Иван Карлович! – взмолился юноша.

– Господин Никольский, Вы очень способный молодой человек, но Вы чрезвычайно распыляетесь! Меня не устраивает Ваша самодеятельность!

Выволочку профессора ученику прервал своим деликатным покашливанием из удобного резного кресла старый Эйлер:

– Иван Карлович, Вы уж так не усердствуйте с юношей! Чай, в его годы, Вы ещё не так разбрасывались!

Вильке даже порозовел:

– Но всё-таки, молодому человеку не сто́ит заниматься самостоятельными исследованиями, не получив законченного образования! К тому же его интерес к «горючему воздуху» совершенно несвязан с физикой, которую он изучает.

– Но, Иван Карлович, я же думаю об использовании подъёмной силы этого газа! Мне кажется, что с его помощью возможно подняться в небо! Я с детства мечтаю научиться летать! – Аникита так расчувствовался, что слёзы выступили из его глаз.

– Ну-ну, молодой человек! Не надо! Всё будет хорошо! – голос Эйлера, показалось, просто зазвенел, словно у молодого, – Иван Карлович Вас не обидит! Ведь, правда, Иван Карлович?

Вильке пытался сдержать улыбку, но она рвалась наружу, как весенняя трава прорывается через последний зимний снег.

***

– Садись, пан Антоний! Посидим, как раньше, выпьем вина – мне его привозят из-под самого Парижа, съедим кабанчика – я его сам убил! Да и повар мой, он учился во Франции и России – знает толк в еде! Не обессудь только – прислуживать нам некому, разговор у нас наедине, как ты и просил.

– Благодарю тебя, друг Анджей, за доверие и понимание. Позволь мне выпить за твоё здоровье! – сотрапезники подняли тяжёлые серебряные чаши с вином, а потом начали активно есть, обмениваясь похвалами повару. Наконец, утолив голод и жажду, друзья продолжили беседу.

– О чём же ты хотел поговорить, Антоний, что приехал ко мне в Замосць¹²⁶ из самой столицы?

– Положим, Анджей, ехать не сильно далеко, к тому навестить старого друга мне никогда не станет в тягость!

---

¹²⁶ Замосць – город в Польше, майорат рода магнатского Замойских.

- Однако же, ты не навещал не любимого шляхтой друга много лет, Антоний.
  - Два года, друг мой! Но я же писал тебе!
  - Писал... А кто знал, кроме нас, что ты мне писал, а? Таился ведь? Ха-ха!
  - Не обижайся, Анджей. Ты по-прежнему один из самых влиятельных людей в Польше, хотя тебя за твои идеи шляхтичи и не очень любят, но мнение твоё ценят!
  - Ты хочешь сказать, боятся меня? – снова захохотал хозяин дома.
  - Нет, Анджей, именно, что ценят мнение, хотя и не следуют ему! Ну, и бояться тоже! – также засмеялся гость.
- Вволю навеселившись, приятели снова выпили вина.
- Так всё-таки, Антоний, что же ты хотел с ос мной обсудить?
  - Анджей, до тебя уже дошли слухи, что Потоцкие с Огинскими желают в обмен на всю Малопольшу получить помощь Австрии и освободиться от русской опеки?
- Замойский громко прочистил горло, затем достал трубку, набил её, раскурил от свечи на столе, выпустил несколько колечек дыма, задумчиво посмотрел на собеседника, и только потом ответил вопросом:
- Антоний, а правда ли говорят, что многие шляхтичи, особенно в восточных землях, настолько прониклись русским духом, что направляют своих детей учиться в России? А некоторые даже отказываются от веры предков и принимают православие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.